

Сыщик Его Величества

Николай Свечин

Выстрел на Большой Морской

«Автор»

Свечин Н.

Выстрел на Большой Морской / Н. Свечин — «Автор»,
— (Сыщик Его Величества)

Действие книги «Выстрел на Большой Морской» разворачивается в двух городах – Санкт-Петербурге и Москве. Март 1883 года. Лыков и Благово переехали в столицу и служат теперь в Департаменте полиции. В своей квартире застрелился бывший министр внутренних дел Маков. Замешанный в казнокрадстве, он ожидал ареста и следствия; видимо, не выдержали нервы... Но Благово подозревает, что произошло убийство. А преступники инсценировали самоубийство, чтобы замести следы. Выясняется, что смерть бывшего министра была выгодна многим. Благово едет в Ниццу к вдове покойного государя, княгине Юрьевской. Лыков тем временем отправляется в Москву по следам двух негодяев – отставного кирасира и его подручного из уголовных. С риском для жизни сыщик проверяет все самые страшные притоны уголовной Москвы...

© Свечин Н.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Николай Свечин

Выстрел на Большой Морской

Глава 1

Подозрительная смерть

В пять часов утра 28 февраля 1883 года вице-директор Департамента государственной полиции Благово был разбужен курьером. Выйдя заспанным в халате, он лаконично спросил прибывшего:

– Несчастье?

– Так точно, ваше высокородие, – вполголоса ответил курьер, отставной ефрейтор из жёлтых кирасир. – Бывший министр Маков наложил на себя руки. Господин директор департамента выехали к ним на квартиру. Велено и вам прибыть к сему месту; коляска ждет внизу.

Отослав курьера к экипажу, Павел Афанасьевич принялся торопливо одеваться. Эх, Маков, Маков... Он вспомнил своё первое знакомство с ним восемь лет назад, закончившееся ссорой. Благово в чине коллежского асессора расследовал тогда в Нижнем Новгороде дело о конокрадстве в гигантских размерах. Лев Саввич был уже тайным советником, директором особенной канцелярии при министре внутренних дел Тимашеве, и фактически заправлял всем министерством. В семьдесят восьмом он сменил Тимашева, в восьмидесятом, во времена «диктатуры сердца» Лорис-Меликова, был переведён в главные почтмейстеры. Всесильная княгиня Юрьевская, любовница, а затем и жена императора Александра Второго, благоволила Макову. Когда Лорис занял его место в МВД, специально для Льва Саввича придумали новый пост – Министерство почт и телеграфов. В этом качестве ловкий царедворец вновь хорошо выдвинулся. В его руках оказалась вся перлюстрация империи! Маков возил каждое утро Юрьевской выписки из чужих писем, часто нелюбимые для императора. Вдвоём они их подправляли в выгодном для княгини смысле, и затем она показывала эти строчки стареющему государю. Совсем одуревший от любви к последней своей пассии, Александр Николаевич был уже как воск в её руках. Он немилосердно карал всех, кто был неугоден княгине, и перлюстрированные письма многим отравили тогда жизнь... Но случилось 1 марта 1881 года. Великий реформатор и великий грешник был смертельно ранен бомбой на Екатерининском канале. Новый государь Александр Третий уже через месяц выгнал ретивого почтмейстера в отставку. После этого у Макова начались неприятности. Ревизия выявила большое хищение по канцелярии МВД в бытность его министром. Называли вполголоса фантастическую сумму – недоставало 400 000 рублей! Последнее время опальный сановник, всеми забытый и презираемый, сидел дома и ожидал ареста. И вот... Надо полагать, не выдержали нервы.

В начале седьмого часа Благово прибыл на квартиру Макова. Бывший министр продолжал жить на казённых площадях, в доме МВД на Большой Морской, 61. Эффектное трёхэтажное здание в стиле итальянского ренессанса, построенное Кавосом, выходило главным фасадом на Мойку. Самый аристократический квартал в столице; не удивительно, что покойнику не хотелось отсюда уезжать. Странно лишь, что его не торопили с выездом...

Роскошная квартира министра находилась на втором этаже, рядом с зимним садом. Благово обнаружил Макова лежащим в кабинете, подле камина, в луже остывшей уже крови. Одет он был в домашний халат из полубархата, с кистями. На груди напротив сердца чернело входное отверстие от пули; в правой руке зажат обшарпанный армейский «смит-вессон». Лицо искажено гримасой боли и предсмертного ужаса.

– Типическая картина самоубийства, – раздался за спиной Благово знакомый голос его начальника. Директор Департамента государственной полиции фон-Плеве, стройный, подтянутый, с серьёзным строгим лицом и умными глазами, прошёл на середину кабинета.

– Не находите, Павел Афанасьевич? Совсем типическая. Оформите протокол совместно с градоначальником, и копию до обеда мне на стол.

– Расследования разве не будет, Владимир Константинович?

– А чего тут расследовать? – искренне удивился Плеве. – Проворовался, попался – и стрельнул себя. Очевиднее не бывает!

– Маков был левша, а револьвер держит в правой руке. И потом, взгляните на его халат. Ничего не замечаете?

Плеве осторожно опустился на колени, стараясь не запачкаться в крови, и с минуту внимательно рассматривал одежду покойника. Потом поднялся, посмотрел на Благово недоумённо и немного раздражительно:

– Что же я должен был заметить, Павел Афанасьевич? По мне, так всё обыденно. Не темните! Что вас насторожило?

– Пола халата не оплавлена близким выстрелом и на ней совершенно отсутствует пороховой нагар. Посмотрим теперь, что на коже.

Благово отдернул полу халата и ворот батистовой рубахи, и удовлетворённо крикнул.

– Что там? – нетерпеливо спросил директор департамента.

– Конус пламени при выстреле, как известно, равен по своей протяженности длине ствола. У нас здесь «смит-вессон» образца 1871 года, так называемая модель номер один. Длина ствола у неё – восемь дюймов. Значит, при выстреле в упор или с этого расстояния ткань халата должна была загореться либо, как минимум, порыжеть. Отставить револьвер на такое расстояние самоубийца мог, но вот как быть с воздействием пороховых газов на кожу? На ней должен был бы остаться, как его называют судебные медики, пояс ожёга. А вокруг него, вбитые под кожу силой выстрела, находились бы копоты и, во множестве, порошинки. Пояс ожёга остаётся при выстреле с расстояния восемь десятых аршина!¹ Здесь же мы наблюдаем чистое входное отверстие без всяких порошинок. Вывод – стреляли не в упор, а с расстояния примерно в аршин.

– Разве невозможно самому вытянуть так руку?

– На аршин? Только если чимпанзе. И потом, повторюсь, Маков был левша.

– Это-то вы откуда знаете?

– Когда я впервые познакомился с ним в семьдесят шестом году, то обратил на это внимание. Так делает всякий сыщик, автоматически.

Плеве замолчал, отошёл к окну. Постоял так некоторое время, затем повернулся к своему вице-директору и сказал:

– Павел Афанасьевич. Я всегда признавал ваши превосходство и опытность в уголовно-сыских вопросах. Видимо, вы и сейчас правы. И если это убийство, выдаваемое за самоубийство, то следует немедленно сообщить об этом министру графу Толстому. А он, надо полагать, распорядится о следствии. Но, чтобы доложить его сиятельству определённо, ваших теперешних наблюдений пока недостаточно. Осмотрите тщательно кабинет и всю квартиру, расспросите домашних и прислугу, словом, начните розыск.

– Слушаюсь, Вячеслав Константинович.

Тут из шинельной раздались энергические шаги и в комнату влетел товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Оржевский. Увидев распростёртое на полу тело, он снял фуражку, перекрестился, потом, нагнувшись, внимательно рассмотрел труп Макова. Зыркнул на полицейских своим жёлтыми совиными глазами:

¹ 60 сантиметров.

– Как ловко угодил, а? Нервишки сдали... Ну-с, быстренько составьте протокол и отдайте копию мне, я сам передам графу.

В качестве товарища министра Оржевский заведывал всей полицией империи и являлся поэтому непосредственным начальником Плеве. Вид Пётр Васильевич имел задорный и несколько вызывательный, слыл в свете острословом и любил заводить себе недругов.

– Статский советник Благово имеет сомнения, – осторожно проговорил директор департамента.

– Какие ещё тут могут быть сомнения? В чём? – изумился генерал-лейтенант.

– В том, что Маков сам себя застрелил.

– Да вы что?! – ахнул Оржевский. Осмотревшись, он сел верхом на ближайший стул, зажал подмышкой саблю и приказал:

– Докладывайте.

Павел Афанасьевич сжато сообщил свои соображения. Заведующий полицией наморщил лоб, помолчал несколько секунд, потом согласно кивнул:

– Точно! Этот дурень был левшой, сейчас и я это припоминаю. Что намерены делать, Вячеслав Константинович?

– Провести негласное расследование.

– Одобряю. Но только своим силами, без привлечения Грессера.

Генерал-лейтенант Грессер был новый петербургский градоначальник, только что назначенный. Оржевский уже успел с ним поссориться и старался теперь насолить ему при каждом удобном случае.

Пробыв в квартире Макова ещё минут десять, начальство удалилось и Благово остался один. Он начал с осмотра помещения. Жена и трое детей покойного, потрясённые случившимся, сидели в обнимку в гостиной; двое младших плакали в голос. Оставив допрос вдовы на ужо, сыщик прошёл в спальню бывшего министра и сразу же обнаружил на разобранной постели лист синей сахарной бумаги, заляпанный воском. Понюхал – пахнет нашатырём!

– Что, покойный вчера лечился от простуды? – спросил он у сопровождавшего его по дому камердинера.

– Точно так, ваше высочордие. Второго дня барин захворали, так мы давеча капали им на грудь восковую свечку.²

– Ага, значит, господин Маков собирался вылечиться, а не помирать?

Камердинер промолчал.

– А кстати, любезный, кого ты впускал к нему вчера вечером?

– Никого не впускал. Через парадное-то... К нам уж давно никто не ходит, с тех пор, как... А к чёрным дверям Лев Саввич наказали не подходить. В тии двери они сами впускали, а кого – то нам не ведомо.

– И давно у вас эдак заведено?

– Ещё когда их высокопревосходительство были министром внутренних дел. Сами понимаете: там пропасть всего секретного, чего нам, прислуге, знать не положено.

– И часто такое бывало?

– Дык, раз-то в неделю завсегда.

– И ты никого никогда не видел из этих секретных посетителей?

– Упаси Бог, ваше высочордие! Очень серчали. Прохора, что до меня служил, за то и рассчитали, что любопытство проявлял, рожу в коридор высовывал, когда не велено. Мы уж знаем: ежели барин такой приказ дали, сиди и не шелохнись. Надо им будет – звонком вызовут. Даже в ретирадное идти не смей!

² Старый домашний способ лечения простуды: на растёртую нашатырём грудь больному клали лист плотной т. н. «сахарной» бумаги и топили на неё свечной воск. Кстати, очень хорошо помогал...

– Эко у вас строго. Но ведь барин твой давно уже не министр!

– Ну и што? Когда они почтвами заведывали, так ещё гуще началось; едва ль не через день! Как ево, правда, вчистую уволили, то прекратилось, а вчера, слышь, опять наказали. Я подумал: сызнова секретные дела начались; может, барина опять в службу возьмут? А то скучали очень, да на нас злились... А чево злиться-то? Я, што ли, ево рассчитал?

– А как жена Льва Саввича к этому относилась?

– Известно как: не нравились ей все эти секреты. Боялась, как бы чего дурного из них не вышло. Тайны какие-то, заговоры... А права оказалась барыня Софья Александровна – вот чем оно кончилось-то! Стрельнул барин себя, великий грех совершил; видать, в такое вляпался, прости Господи, что деваться уж стало некуда. Опять, люди говорят, в хищениях ево больших подозревали, об прежние годы. Правду бают, ваше высокородие?

– Правду... как тебя?

– Орестом зовут.

– Правду, Орест, тебе сказали. В министерстве ревизию сделали, не досчитались четырёх тысяч рублей. Аккурат в те годы пропали, когда твой барин должность отправлял.

– Эх-ма... – горестно вздохнул камердинер. – Четыре-на-сто тыщ... До чего жадность-от людей доводит; а потом жизни себя лишать. Экой грех! Как теперя бедная Софья Александровна с тремя детьми на руках жить-то будет? Младшему, Лёвушке, шести ещё нет. А имения никакого барин не нажил. Пенсию-то хоть вдове дадут, ваше высокородие?

– Это государь решит. Скажи мне лучше, Орест – почему так вышло, что ты выстрела не слышал?

– А я слышал, как уж сейчас соображаю. А тогда подумал: Яков – это наш кухонный мужик – печь в постирочной растопил. Ну, и трещали они сильно, дрова-то. Сырые шибко; кто только таких всучил? Так трещали, страсть! Будто кто из ружья палил. Ну, я и не подумал на что плохое. Был там один навроде щелчок, не в пример другим. Особливый какой-то. Вот я сейчас и думаю, то был выстрел. А тогда решил – дрова...

– Когда последовал этот щелчок?

– Близко часа ночи. Точно не скажу – дремалось мне.

– А когда ты барина мёртвым нашёл? Ты ведь его нашёл?

– Точно так, ваше высокородие, я. Напримерно, после трёх. Уснул было, а проснувшись, встал по малой нужде и пошёл в клозет. Гляжу – а в кабинете-то ланпа горит. Не положено! Я зашёл задуть – и увидел...

Тут Орест всхлипнул.

– Хороший был барин-то. Весёлый... А теперь как они станут жить? С квартиры сгонют. Меня отставят, как пить дать. Вам, ваше высокородие, камердинер не нужен? Я ж самому министру прислуживал, обращение знаю!

– Я тебя запомню, Орест, что смогу, сделаю. Но сейчас не до того. Скажи лучше: почему ты подумал, что Лев Саввич сам застрелился?

– Так орудие-то у него в руке, рази вы не видите?

– Понятно. Что же он тогда от простуды лечился, если всё одно помирать?

Камердинер задумался, потом сказал радостно, словно открытие сделал:

– Полагать надо, ваше высокородие, што до ночи у него ещё надежда была, мол, обойдётся. А кто-то к нему пришёл и известие принёс, што не обойдётся. И не осталось надежды. Он и наложил. Сам на себя.

– Правдоподобно, – похвалил слугу Благово. – А где барин секретные бумаги держал?

– В кабинете, в несгораемом шкапу.

– А ещё где?

Орест замолчал. Было видно, что он знает о тайнике, но не хочет говорить.

– Ладно. Проводи меня дальше по квартире.

Они продолжили обход, и вскоре Павел Афанасьевич оказался в образной. Маленькая комната без окон, с решётчатой дверью, была внутри вся увешена иконами. В четыре ряда они покрывали стены, в темноте тускло горело восемь или девять лампад. Пахло ладаном и деревянным маслом.

– Очень набожный был?

– И-и-и! Не то слово! Все посты блюл, а службу знал лучше батюшки. У нас, изволите ли знать, домовая церковь имеется; так барин там частенько-таки отца Амвросия подправляли. Особливо литургию Преждеосвящённых Даров...

Благово тщательно осмотрел всю огромную квартиру в двенадцать комнат, потом поговорил с новоиспечённой вдовой. Софья Александровна Макова, урождённая Бороздина, оказалась грузной, почти уже утратившей былую привлекательность сорокапятилетней женщиной. И без того, видимо, недалёкая, она совершенно потерялась от внезапного несчастья и ничего интересного сообщить сыщику не сумела. Трое детей были ещё малы – старшей дочери едва минуло одиннадцать. Прислуга тоже отнекивалась; Орест оказался из них самым сообразительным и осведомлённым. Выстрела никто не слышал, ночных гостей никто не видел.

Закончив с расспросами, Благово принялся за обыск маковского кабинета. Подошло уже время обеда, и Орест принёс ему с кухни холодной телятины, калачей и чашку консомэ. Время от времени занятия сыщика прерывало появление посторонних. Так, около одиннадцати ввалилась целая толпа во главе с министром юстиции Набоковым. Пришёл ненадолго государственный секретарь Половцов (покойный являлся членом Государственного совета), высокий, надменный. Осмотрел брезгливо тело – его увезли только к вечеру, написал и отдал курьеру записку для государя, и удалился. Так же ненадолго заехали судебный следователь и полицеймейстер первого отделения. Долше всех проторчал статский советник Виноградов, исправляющий должность начальника петербургской сыскальной полиции (Путилин второй год по состоянию здоровья пребывал в отставке). Вместе с двумя агентами он по пятам ходил за Павлом Афанасьевичем и повторял все его действия. Благово так и подмывало спросить коллегу, что он думает об отсутствии копоти на платье трупа, но он удержался. Всегда полезно, когда следствие ведётся параллельно кем-то ещё: ум хорошо, а полтора лучше! Но подсказывать нельзя, иначе какое же здесь тогда соревнование? Сам Виноградов ничего на сей счёт не говорил; было ясно, что версия самоубийства его устраивает. Он выгреб из нестораемого шкапа Макова все бумаги и, довольный, уехал. Благово наконец-то остался один, можно было приступить к поиску тайника.

Он нашёл его почти сразу – сказала опытность. В массивном письменном столе хозяина оказалась двойная задняя стенка. Осторожно выдвинув её по специальным замаскированным полозьям, Павел Афанасьевич обнаружил за ней три письма. Почерки на всех трёх письмах были разные, и ни один из них не принадлежал самому Макову. Похоже, что бывший министр почт и телеграфов не только вскрывал и переписывал чужую корреспонденцию, но в исключительных случаях и воровал её.

Перлюстрация – одна из самых охраняемых тайн в империи, но Благово по роду службы знал о ней в деталях. Никогда оригиналы писем не изымались, а только копировались, после чего запечатывались заново и отсылались адресату. Здесь же Маков решился на прямое хищение! Видимо, эти депеши представляли для него особый интерес.

Когда Благово просмотрел все три письма, он понял, насколько серьёзным оказалось дело о возможном убийстве действительного тайного советника Льва Саввича Макова. Серьёзным и даже опасным, и в первую очередь для него самого. Но деваться было уже некуда – следовало срочно доложить о находке Плеве.

Глава 2

Третье повеление

Вечером 28 февраля Благово сидел в кабинете директора департамента полиции на Фонтанке, 16, и угрюмо молчал. Так же молчал и Плеве. Найденные Павлом Афанасьевичем письма лежали на столе; казалось, от них исходит какая-то недобрая сила.

– Да, – пробормотал, наконец, Плеве, – ну и гадюшник вы разворотили. Теперь у нас сразу три версии смерти Макова. И одна хуже другой...

Благово взял в руки лист голубоватой бумаги с императорской короной наверху, развернул его и прочитал ещё раз. Это была записка великого князя Николая Николаевича Младшего, адресованная жене генерала Оржевского. Из неё явственно следовало, что парочка находилась в любовной связи. Заведывающий полицией именовался в записке старым козлом...

– Не понимаю! – воскликнул директор. – Великому князю двадцать семь лет, а ей уже сорок четыре. Что он в ней нашёл?

– Ну, Наталья Ивановна дама всё ещё видная и притом весьма бойкая. Полагаю, это она окрутила нашего гусара, а не он её. Притом учтите: в Николае Николаевиче двенадцать вершков росту³. Многим это нравится. К тому же георгиевский кавалер, полковник лейб-гвардии Гусарского полка, а главное, двоюродный брат государя. Есть чем увлечься увядающей женщине.

– Но он-то, он-то куда?

– У них это в обычае, – ответил вице-директор.

И Плеве, и Благово хорошо знали, сколь развращена императорская фамилия. Николай Николаевич Старший первый подавал сыну хороший пример: он уже много лет жил с бывшей балериной Числовой и имел от неё четверых детей. Жена его, великая княгиня Александра Петровна, не стеснясь никого, путалась в это же время с киевским викарием. Супруга младшего брата императора, Владимира Александровича, заразила мужа сифилисом! Она открыто изменяла ему со всеми по очереди адъютантами и, кстати, состояла в давней связи с тем же Николаем Николаевичем Младшим. Жена великого князя Михаила Николаевича, Ольга Фёдоровна, спала с воспитателем своих семерых детей генералом Петерсом, а её муж прижил на стороне незаконную дочь от некоей девицы Серебряковой. Не отставал от родни и брат государя великий князь Алексей Александрович. Будучи холостым, он сильно увлекался балеринами и имел вдобавок сына от знаменитой своим цинизмом фрейлины Жуковской, дочери известного поэта.

– Ну, эта версия наименее вероятна, хотя и её мы обязаны проверить до конца, – сказал Благово. – У нас ведь есть люди в окружении Николая?

– Как не быть. Я распоряжусь, чтобы их прислали к вам для беседы. Согласен, это маловероятно, но нужно убедиться. А вот другое письмо...

Благово взял второй лист, и лицо его приняло брезгливое выражение. Короткая записка была написана рукой Екатерины Михайловны Долгорукой, жены покойного государя. Адресатом оказался германский посол генерал Швейниц. Юрьевская предлагала в этой записке купить у неё за пятьсот тысяч рублей секретный протокол о заключении между Россией и Францией оборонительного союза! Светлейшая княгиня сообщала, что её супруг забыл документ в их спальне в день смерти, и она оставила его себе «на всякий случай».

³ 197 см.

– Я сегодня же повстречаюсь с графом Ламздорфом⁴ и выясню, насколько это серьёзно, – пообещал Благово, и добавил ехидно: – Не удивлюсь, если наши дипломаты не заметили пропажи столь важной бумаги.

– И, наконец, третья версия, – Плеве подтолкнул своему вице-директору неопрятный лист гостиничной почтовой бумаги, исписанный мелким писарским почерком. – Что скажете на сей предмет?

Это было письмо некоего Рупейто-Дубяго Павлу Демидову князю Сан-Донато. Один из богатейших людей России, князь профессионально бил баклуши, не будучи занят на государственной службе. Корреспондент именовал его «братом второй степени» (?) и просил разрешения «тряхнуть тут, в Москве, одного рогожца, что дружит с террористами, а деньги сдать в кассу Дружины». ⁵ Помимо самого разрешения на акцию, автор письма требовал прикрытия от московской полиции, причём в весьма развязном тоне.

– «Брат второй степени». Хгм... Вячеслав Константинович, это что, пресловутая «Священная дружина»?

– Увы, она самая.

– Как мог Пашка Демидов занимать там начальственную должность? Он же глуп, как бревно. Кто ему доверил?

Плеве молчал.

– А ещё говорят, у них Боби Шувалов ходил в штаб-офицерах?

– От нашего министерства дружину курировал Оржевский. Полагаю, он и даст вам все необходимые разъяснения, – сухо ответил директор.

Благово, как человек очень осведомлённый, знал, что в 1881 году было создано добровольное тайное общество по защите особы государя. Инициатором выступил личный друг Александра Третьего граф Воронцов-Дашков, нынешний министр двора. В общество, названное «Священной дружиной», вошло несколько сот человек, преимущественно служилое чиновничество и военные. Время тогда было смутное, силы террористов преувеличивались, и за жизнь помазанника Божия всерьёз опасались. В таких условиях в дружину вступило немало порядочных людей, разуверившихся в законных способах борьбы с крамолой. Павлу Афанасьевичу тоже предлагали членство, но он отказался. Позже до него стали доходить слухи о том, что «Священная дружина» быстро выродилась в объединение проходимцев вперемешку с недотёпами. Великосветские дилетанты увлечённо принялись играть в тайных агентов; жулики всех мастей примазались к секретным фондам. Сведения о дружине просочились в печать, поскольку горе-конспираторы рассказывали о «тайном» обществе даже извозчикам... Злоязычный Салтыков-Щедрин публично высмеял добровольных охранителей, назвав их «Клубом взволнованных лоботрясов». Начались скандалы. Какие-то тёмные личности разъезжали по стране, приходили к губернаторам, показывали им странные бумаги и требовали отчёта и денег. В конце концов ситуация сделалась невыносимой и, усилиями Победоносцева и графа Толстого, дурацкое общество было ликвидировано. В ноябре 1882 года государь распорядился закрыть «Священную дружину» и произвести ревизию её расходов (на которые сам в своё время выделил миллион из собственных средств). Мог Маков в период активности лоботрясов подцепить, путём перлюстрации, какую-нибудь серьёзную тайну? Конечно, мог. Народ там был гнилой; версия ничуть не хуже двух предыдущих.

– Итак, – резюмировал Плеве, – подозрения об убийстве бывшего министра мы должны немедленно донести до сведения его сиятельства. Не сомневаюсь, что он столь же быстро доложит наши соображения его величеству. Поскольку по одной из версий проходит супруга Оржевского, придётся держать эту линию расследования от Петра Васильевича в тайне.

⁴ На тот момент – директор Канцелярии МИД.

⁵ Рогожец – старообрядец австрийского согласия (центр толка находился на Рогожском кладбище Москвы).

– Слушаюсь.

– Вы уверены, что петербургское сыскное не зацепило ничего серьёзного?

– А они и не искали. Виноградов человек опытный; думаю, он заметил отсутствие нагара на халате Макова, но ничего об этом не заявил. Зачем ему нераскрытое убийство, уводящее в столь опасные высшие сферы? А тут такая удобная версия: проворовался, попался и... Но если бы вы видели его молельню!

– А бумаги, изъятые Виноградовым из несгораемого шкапа? Вдруг там ещё с полдюжины подобных писем?

– Тогда мы скоро узнаем это от градоначальника. Но я сомневаюсь. Иначе не нужен был бы тайник.

– Будем надеяться, что не появится с той стороны новой грязи; будет нам и этой вдосталь. Что у вас сейчас на главном плане, Павел Афанасьевич?

– На главном плане – два высочайших повеления: о фальсификации мяса и об убийствах в Конногвардейском полку.

Плеве пригорюнился. Действительно, оба дела, уже порученные им Благово, находились на столе у государя и он торопил с их расследованием. Первое касалось великого княжества Финляндского. Общеизвестно, что по всей Финляндии издавна существовал нехороший обычай. Как только у крестьянина там падало животное – всё равно, корова или лошадь, и всё равно, от болезни или старости – как его тот час же покупали и везли в Петербург. Существовал целый преступный промысел по поставке мяса павших животных в колбасные заведения столицы. Всё великое княжество участвовало в нём без зазрения совести, а следствием было развитие в Петербурге пищевых отравлений и заразных болезней. Когда под Рождество захворало на Охтах сразу более пятидесяти человек и следы опять привели к финской падали, терпение государя лопнуло. Видя, что градоначальство не справляется с этой напастью, он поручил дело департаменту полиции. Благово уже съездил в Гельсингфорс, переговорил с тамошней полицией и сейчас шерстил наиболее нетребовательные из колбасных заведений. Оказывалось так, что заправляли всем русские, а точнее ярославцы, составляющие в столице самое влиятельное землячество.

Второе поручение было ещё хуже первого. На Успенье в подвалах цейхгауза Конного полка, что возле Почтамта, было обнаружено при ремонте печей сразу восемь разложившихся трупов. При одном из них, женском, оказался молитвенник на английском языке. Это сразу навело сыщиков на мысль, что в числе убитых состояла и та молодая англичанка, что пропала в столице год назад. Следствие двигалось медленно из-за сопротивления полкового начальства, которое поддерживал командующий округом великий князь Владимир Александрович. Выявились страшные вещи: конногвардейцы уже много лет по ночам открыто грабили и убивали прохожих возле своих казарм, торговали потом вещами со своих жертв, а офицеры это покрывали! Руководили делом прожжённые сверхсрочнослужащие вахмистры. Будучи в фаворе у начальства, они держали в кулаке весь полк, а не хотевших молчать душили. Когда кольцо несчастной англичанки обнаружилось в ломбарде и хозяин его показал на конногвардейцев, государь повелел не церемониться ни с кем. Было арестовано десять человек и появились уже первые признательные показания, но до завершения следствия было ещё далеко.

– Что ж, Павел Афанасьевич, – горько пошутил Плеве, – Бог троицу любит. Не могу я никому перепоручить уже ведомые вами дела; а уже и третье на подходе. Чую, ждёт нас ещё одно высочайшее повеление. В вопросах же сыска вы наиболее опытные из всего состава департамента. Кто везёт, на того и валят... Но обещаю полное содействие!

– Тогда дайте Лыкова мне в помощь. Он сейчас ничем особым не занят, а в этом деле пригодится.

– Да чем же? Тут кулаками махать не предвидится.

– При расследовании убийства, Вячеслав Константинович, никогда не знаешь наверное, что предвидится. Лыков мой ученик, он умный и уже весьма опытный оперативник с большим будущим. И умеет он не только кулаками махать, как вы думаете. Алексей поедет в Москву. Ведь именно там, помнится, замыслили «трясти» рогожца. Как раз по его части: связи с этой средой у него имеются ещё с Нижнего Новгорода. И потом, уже пора готовиться к коронации, а тут без него точно не обойтись.

Последний аргумент убедил Плеве окончательно, и он устно распорядился перевести титулярного советника Лыкова в полное распоряжение Благово. Дело в том, что вопрос с коронацией наконец-то решился. Александр Третий затянул её, опасаясь покушений на свою жизнь, которые так удобно совершить в толпе. Сейчас выяснилось со всей определённой, что террористы обескровлены и силы их подорваны окончательно; можно ехать в Москву. Долгожданное событие было назначено на май. К этому времени предстояло «почистить» Первопрестольную от всякого тёмного элемента. Воронцов-Дашков предложил привлечь к делу охранения священной особы государя силы московских старообрядцев. В МВД сразу вспомнили следствие о завещании Аввакума, с блеском проведённое четыре года назад в Нижнем Новгороде. Герои этого дела – Благово и Лыков – ныне служили в департаменте полиции и были, следовательно, под рукой. Им и поручили начать предварительные переговоры с влиятельными московскими староверами, преимущественно рогожцами. Значит Лыков, пусть и на своём, невысоком, уровне, но мог уже официально заниматься этим вопросом. Пусть уж заодно и убийцу Макова отыщет!

Умный Плеве не ошибся в своих опасениях. Вечером первого марта, вернувшись с молебна в память царя-мученика, его вызвал к себе граф Толстой. И передал очередное повеление императора: найти и арестовать злодеев, лишивших жизни бывшего министра внутренних дел. Он хоть и мошенник, но стрелять безнаказанно никого нельзя. Тем более действительных тайных советников...

Глава 3

По первому следу

Утром второго марта в кабинет Благово пришёл рослый осанистый господин в элегантной нанковой тройке. От него резко пахло туалетной водой, усы были подозрительно черны, на волосах – накладка. Словом, типический саврас, профессиональный дамский угодник в возрасте. Крашенный господин оказался управляющим двором великого князя Николая Николаевича Младшего.

Павел Афанасьевич расспрашивал его более получаса. Управляющий (фамилия его оказалась Шлаубах) выказал себя человеком неглупым и весьма осведомлённым обо всех тайнах своего августейшего патрона. Выяснилось в частности, что с мадам Оржевской князь расстался ещё осенью и без всяких скандалов; что сейчас он тайно встречается с женой Половцова, и что в ночь убийства на Большой Морской его высочество находился в своей постели. И совершенно определённо никуда не отлучался.

Благово и не сомневался, что великий князь сам в Макова не стрелял. Картина, как огромного роста гусарский полковник, гремя саблей, в полночь крадётся с револьвером в дом бывшего министра, могла только позабавить. Но при своём характере Николай Николаевич не остановился бы кого-нибудь нанять на эти цели. Поразмыслив, Благово решил отработать версию до конца и поехал на Офицерскую, 26, в сыскное.

Статский советник Виноградов принял коллегу настороженно.

– Нашли что в бумагах? – издалека начал Павел Афанасьевич.

– А... – махнул рукой Виноградов. – Чуть не до утра просидел, семь пудов свечей извёл, и всё без толку. Одна галиматья.

– Вы, конечно, заметили отсутствие на халате у Макова порохового нагара?

Главный сыщик столицы осёкся, несколько секунд молча смотрел на Благово, потом ухмыльнулся:

– Смешно было бы с моей стороны предполагать, что это ускользнёт от вашего внимания... Да, я сие тоже заметил!

– Получено высочайшее повеление разыскать убийцу. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

– Понятно. Чем могу помочь?

– Сведениями, бесценный Иван Александрович. Кто из известных вам преступников, находящихся ныне на свободе, способен на такую ловкость?

– Хгм... Проникнуть ночью в густо населённую квартиру, застрелить хозяина, подделать самоубийство и скрыться незамеченным. Высший сорт работа! Я знаю только одного человека, которому такое по силам.

– Сашка-офицер?

– Всё-то вы знаете, Павел Афанасьевич, – уважительно произнёс Виноградов. – Он, стервец, кто же ещё! Но именно у него и алиби, потому, как данный мазурик уже две недели сидит здесь, в Казанской части, на одном с нами этаже.

– На чём-то попался?

– Подозревается в ограблении квартиры Охотниковых.

Сашка-офицер представлял из себя весьма незаурядную личность. Звали его по паспорту Александр Беклемешев, и в молодости он действительно носил погоны. В чине поручика Сашка принял участие в Ахалтекинской экспедиции 1879 года, закончившейся для нас, как известно, порядочной трёпкой. Прикомандированный к ракетной сотне, он участвовал в знаменитой «косой атаке», когда сотня лихо прорубилась сквозь полчища туркмен и прикрыла

затем отход всего отряда. Владимирский крест с мечами и бантом украсил грудь храброго поручика. Затем, однако, у него начались недоразумения с законом. Видимо, Беклемешеву было скучно жить обычной жизнью. Такие люди хороши для войны, но плохо годятся для повседневного существования... После нескольких тёмных историй и последовавшего затем суда чести поручик вышел в отставку. Умный, смелый, очень хладнокровный и до безумия дерзкий, повидавший много крови – он стал наёмным убийцей.

Этот вид преступлений в России, слава Богу, отсутствует – в отличие, скажем, от Италии или САСШ. Ну разве что купчиха наймёт приказчика задушить стареющего мужа, чтобы пожить наконец вольготно и при деньгах... Такие проступки легко раскрываются и незадачливый наёмник оказывается в Нерчинском каторжном районе. Не то оказался Сашка-офицер! Он применял свои таланты очень редко и за большие деньги. Артист! Сыскная полиция подзревала его в трёх убийствах, но ничего не могла доказать. Особенной дерзостью отличалось последнее, в восемьдесят втором году. Некий граф Кушелев шёл себе спокойно по Певческому мосту, как вдруг его нагнал замотанный в башлык всадник на прекрасном аргамеке, застрелил с седла и ускакал. Среда бела дня и прямо под окнами Зимнего дворца.

Да, такой человек мог прикончить Макова в его собственном кабинете и незаметно удалиться. Похоже, на сегодня он один такой в столице. И у него алиби – сидит вон за той стенкой.

Удовлетворённый услышанным, Благово откланялся и вернулся к себе на Фонтанку. Доложил Плеве, что версию с великим князем можно исключить, и затем около часа просидел с Лыковым. Откомандированный из летучего отряда в его распоряжение, Алексей был очень этим доволен. Павел Афанасьевич подробно рассказал ему всё дело и поручил съездить в Москву к рогожцам. Подытожил так:

– В расследование первых двух версий тебе лучше не соваться. В этих высших сферах могут так потряхнуть, что очутишься помощником исправника в Минусинске. Что я тогда скажу твоей матушке? А в Первопрестольной – обычная уголовщина, да и «Священная дружина» уже прикрыта. Поговори с Арсением Ивановичем Морозовым, чтобы он выделил тебе на подмогу Горсткина. А я телеграфирую Козлову, что ты выполняешь высочайшее повеление – он сам поймёт, что от него требуется.

Горсткин был начальником секретной службы рогожцев, поставленным на эту должность ещё покойным Буффало; Козлов – московским обер-полицмейстером. Вдвоём эти люди знали о Москве всё.

Отпустив Лыкова, Благово пешком отправился на Дворцовую площадь, в Министерство иностранных дел. Директор канцелярии граф Ламздорф и обрадовался появлению сыщика, и удивился. Статского советника весьма уважали в «дипломатической гостиной» Яхт-клуба за тонкий ум. Но на службу к графу Благово пришёл впервые – и явно неспроста.

– Что случилось, Павел Афанасьевич? Вы изловили австрийского шпиона?

– Ещё хуже! Германский посол схвачен в Апраксином дворе на карманной краже; готовьте ноту о высылке.

– Ха-ха. Очень смешно. Валяйте уж – что там у вас? Чую, что плохие новости...

– Владимир Николаевич, в министерстве за последние два года никаких важных бумаг не пропало?

Ламздорф нахмурился:

– Насколько важных?

– Протокол с французами о подготовке оборонительного союза, подписанный покойным императором.

– Откуда вы вообще знаете о его существовании? – вскочил с кресла граф. – Боже мой, Боже мой! Если немцы пронюхают, что есть такой документ – может случиться всё что угодно!

– И даже война?

– И даже война. Не завтра, конечно, но самый первый шаг для её подготовки будет сделан. Нынешний государь крайне неохотно пролонгировал «Союз трёх императоров», и только на три года. Он совершенно не верит австриякам и с трудом терпит германцев. Зерно истины в этом есть: с тевтонами России нечего делить, а вот между нами и Австро-Венгрией стоят Балканы. Учитывая маниакальную цель всей русской внешней политики – проливы – мы уже встали на рельсы большой европейской войны. Отобратить проливы у Турции можно, только победив саму Турцию. А там куча славян под пятой! и то же самое у австрияков. Выпустив славян из турецкой клетки, мы неминуемо вступаем в неразрешимый конфликт с Австро-Венгрией. Ведь покорённые ею племена чехов, словаков, русинов также захотят свободы. Короче говоря, путь на Константинополь лежит через Вену. А это означает войну и с Берлином! Германцы же никогда не позволят России уничтожить дружественную им, немецкоговорящую империю и стать в итоге повелительницей Балкан. Если это понимаем мы с вами, ещё лучше сие понимает Бисмарк. Война между нами тремя – лишь вопрос времени. Мы начали зондировать в сторону Франции. Немцы немедленно расценили это как начало охлаждения в отношениях. Они уже очень насторожены и начинают готовиться к худшему. А у нас словно нарочно Катков раздувает антигерманскую истерию при попустительстве властей!

– Так что насчет протокола?

– Скажите правду: откуда вы узнали о его существовании? Во всей империи его читали только три человека: покойный государь, наш министр Гирс и я.

– Где сейчас протокол?

– За моей спиной, в секретном сейфе.

Ламздорф поднялся, обошёл кресло и постучал по дубовой панели стеновой обивки, в которой виднелось едва заметное отверстие для ключа.

– Вы уверены, что он там?

Граф самодовольно улыбнулся:

– Не смешите меня, Павел Афанасьевич! Такие бумаги хранятся сверхстрого. Их выдаю лично я и только по письменному распоряжению министра. Упоминаемый вами протокол ни при каких обстоятельствах не мог покинуть этого шкапа!

– Владимир Николаевич. Не обижайтесь, ради Бога, моим недоверием, но не могли бы вы прямо сейчас в этом убедиться?

Ламздорф озадаченно смотрел на Благово, не находя, что ответить. Потом хмыкнул, снял с брегетной цепочки крохотный ключ, отпер сейф, закрыл его от посторонних глаз спиной и начал копать. Через три минуты поисков он развернулся к сыщику – на нём не было лица.

– Павел Афанасьевич!! Это... катастрофа! Имеете вы сведения о его нынешнем местонахождении?

Благово рассказал графу о письме Юрьевской, найденном им в квартире Макова. Ошарашенный чиновник побежал с этой новостью к Гирсу, а статский советник вернулся в департамент. Оказалось, что там его уже сорок минут ожидает некий господин в серой визитке. Лицо господина показалось Благово знакомым.

– Да-да, мы встречались на Гороховой. Позвольте представиться: помощник делопроизводителя сыскного отделения петербургского градоначальства коллежский асессор Скиба.

– Да, господин Скиба, припоминаю. Кажется, Максим Вячеславович? Прошу пожалуйста без церемоний.

– Польщён, Павел Афанасьевич; точно-с так.

– Чем могу служить? Вас, видимо, прислал Виноградов?

– Увы, Павел Афанасьевич, я пришёл к вам не по приказанию начальства, а в тайне от него. Понимаю, как некрасиво это звучит, но... Вы ведь сегодня интересовались у Виноградова Сашкой-офицером?

– Да.

– И вас уверили, что тот сидит под замком?

– Да. А что, не сидит?

– Нет, Сашка действительно с середины февраля пребывает в подследственной камере Казанской части. Там есть такой коридор на третьем этаже, окнами во двор; в нём четыре камеры, и все они закреплены за сыскным отделением. И сторож при них тоже наш, он состоит в штате отделения, а не части.

– И что далее?

– Далее то, Павел Афанасьевич, что Беклемишев отлучался за эти дни из камеры. Но не для допроса. Он числится лично за Виноградовым и по его запискам несколько раз отпускался на волю безо всякого конвоя. А потом под утро возвращался.

– Хм... Он агент Виноградова?

– Позвольте напомнить, Павел Афанасьевич, что Сашка-офицер убийца. Может ли он быть полицейским осведомителем? Вор, мелкий мошенник – не спорю; сам их вербую дюжинами. Но убийца!

– Согласен, Максим Вячеславович, это было бы чересчур. Куда же он тогда уходит? И что связывает начальника сыскной полиции с «мокрушником»?

– Вы ничего... э-э... такого не слышали о Виноградове?

Благово нахмурился.

– Слышал, конечно. О вашем начальнике давно уже дурное поговаривают. Будто бы приставы всех частей Петербурга носят ему денежную дачу. А ежели кто отказывается, то в этой части резко возрастает количество краж со взломом, грабежей и даже убийств. Статистика быстро ухудшается, пристав попадает в опалу у градоначальника и может лишиться должности. А сыскная полиция ищет преступников очень неспешно и всегда безрезультатно. Так?

– Истинная правда, к сожалению.

– Вот это да! И все молчат?

– Так ведь недоказуемо! Ну, залезли в квартиру, в другую; ну, сломали их с десятков – и что ж? Какая тут связь с Виноградовым?

– Но связь есть?

– Конечно, есть. Все «иваны» и «мазы», родские⁶ воровских шаек ему хорошо известны. Он их вызывает и говорит: надо поработать в Александро-Невской части, особенно в её третьем участке. Действуйте смело и никого не бойтесь: я вас искать не стану. После седьмой квартиры закругляйтесь и переходите в Коломенскую часть.

– Неужели это действительно возможно, Максим Вячеславович? Чтобы начальник сыскной полиции – и руководил ворами!

– Нельзя сказать, что он ими действительно руководит. У преступников свой промысел, у него свой. Правильнее утверждать, что существует область совместных интересов. Если градоначальник прикажет Виноградову поймать, к примеру, «ивана» Савелия Чижова по кличке Дубовый Нос, то он его арестует. И Дубовый Нос на это не обидится: служба есть служба, ему велели – он исполнил. Но при возможности вместе заработать эта парочка легко договорится. С начальником сыскной полиции выгодно дружить!

– Давно так у вас?

– А вот как Путилин ушёл в отставку, так сразу и началось.

– Иван Дмитриевич знает об этом?

– Конечно, знает – Виноградов всегда был его любимчик.

– И молчит?

– Молчит. Сам этим не занимался, когда был при должности, но Ивану Александровичу уже и тогда всё дозволялось.

⁶ «Маз» – главарь шайки; родский – старший вор.

– Понятно... Путилин при Трепове поднялся, поэтому так к этим делам равнодушно относится. Трепов за годы своего градоначальства украл три миллиона рублей – и ничего... Но вернёмся к Сашке-офицеру. Он-то квартирными кражами не занимается?

– Да, эта птица другого полёта. Но мне доподлинно стало известно, что в ночь с 28 февраля на 1 марта, когда умер Маков, Сашка уходил из камеры. По очередной записке Виноградова.

Благово стукнул себя кулаком по колену и не удержался, выругался:

– Скотина! Значит, инобытия⁷ у Беклемишева нет?

– Нет. Не готов утверждать, что именно он застрелил Макова, но в камере его в ту ночь не было до самого утра.

Благово встал.

– Вы можете подать об этом рапорт?

Скиба тоже поднялся.

– Это невозможно! Сведения получены мною от сторожа секретных камер Панибратова. Проболтался... по пьяному делу. Но Панибратов хорошо прикормлен начальником отделения и письменных показаний, конечно, не даст. В каком виде я тогда предстану? Написал бездоказательную клязу...

– А приставы? Они могут подтвердить факт денежных поборов со стороны Виноградова. Сколько можно это терпеть?

– Господа приставы сами дерут будь здоров! Если начнётся следствие, то выяснится, что они перетаскали в сыскное суммы, много превышающие их годовое жалование. Где они их взяли? Всё с тех же мазуриков. Нет, поднимать шум никому не выгодно. Меня сделают козлом отпущения и выкинут со службы, а после полицейской – сами знаете – никакой другой службы уже не найдёшь. Все шарахаются от нас, как чёрт от ладана.

– Я вас понял. Поищем другой путь. А пока вот что, Максим Вячеславович. Не желаете ли перевестись в Департамент государственной полиции? Имеется вакансия чиновника по особым поручениям шестого класса.

– Почту за честь, Павел Афанасьевич! А то уж никаких сил нет смотреть, что у нас в сыском отделении творится, и ничего поделать не могу!

– Вот и договорились. Я сегодня же подам записку фон-Плеве о замещении должности; надо усилить кадром третье делопроизводство. И спасибо вам за важные сведения.

⁷ Алиби.

Глава 4

Рупейто-Дубяго и его колбасник

Выполняя поручение Благово, Лыков отправился на встречу с Демидовым, князем Сан-Донато. Адресат перехваченного Маковым письма жил в роскошном семейном особняке на Сергиевской улице. Несметный богач оказался рыжим весноватым мужчиной средних лет с отёчным лицом и высокомерным взглядом.

Дабы беседа удалась, Алексей взял с собой коллежского советника Фланша, курировавшего в департаменте «Священную дружину». Фланш представил Лыкова князю и приказал ответить на все его вопросы, поскольку Алексей Николаевич выполняет высочайшее повеление. Демидов мигом утратил весь аристократизм.

- Князь, – сразу взял быка за рога Лыков, – кто такой Рупейто-Дубяго?
- Это бывший наш агент, брат восьмой степени. Кличка – Московский Баранчик.
- Странная какая кличка...
- Ну, это из представлений про Петрушку, вы же помните?

Лыков действительно вспомнил. Любимый герой уличного театра, наглый и дерзкий Петрушка, бил лакея, купца и даже полицейского. И вот, когда он уже совсем терял от безнаказанности чувство меры, из-за кулис появлялось загадочное могучее чудовище – Московский Баранчик – и сжирало негодяя.

- Зловещее получается прозвище. Он что, за палача у вас был?
- Наверде того. Напугать кого следует, приструнить. Жутковатый дяденька. Среди нас, белоручек, он выделялся: его ничего не стесняло. Опасный человек.
- Как же вы такого – и в дружину?
- Эти люди бывают весьма полезны в определённый момент! Рупейто – человек дела. Я, или Бобби Шувалов, или князь Щербатов – это тоже всё лигеры⁸ – мы же сами не можем быть палачами! У нас, извините, духу не хватит; да и не умеем мы человека убить. А с террористами церемониться нельзя. Хватит уже – доцеремонились! Вот и призвали в братья нескольких таких, кому в обществе руки не подашь, зато им можно поручить грязные работы.

- Что конкретно он у вас выполнял? Из грязного...

Демидов замялся.

- Ну... вы же знаете, чем всё кончилось. «Священная дружина» распущена, а деятельность её признана государем... э-э-э... как бы помягче сказать... Действительно, ничего конкретного мы совершить не успели. Или не сумели. Создали отделения в 30-ти городах России и три заграничных: в Париже, Вене и Берлине. Отделения были даже и весьма многочисленные; в московском, к примеру, состояло более 15 000 человек!

- Ну, это всё дармоеды; вы мне о делах расскажите.

- Мы, например, организовали в столице патрулирование улиц, по которым проезжает государь! Семь главных улиц. Были старшие над улицами, которые постоянно наблюдали прохожих, и всё такое прочее...

Лыков, как профессионалист, при этих словах только усмехнулся:

- По проспектам, значит, прогуливались? Ну, дело хорошее, для здоровья полезное. А ещё что?

- Да так, собственно, и всё... Газету в Германии выпускали, проправительственную. Некоторые из наших собирались поехать в Женеву, вызвать там на дуэль и убить Бакунина с Тихомировым.

⁸ Лигеры – члены Лиги (одно из названий «Священной дружины»).

– Не поехали?
– Не поехали.
– Московский Баранчик под вашим началом что-нибудь совершил?
– Не припоминаю такого. Денег, правда, подлец, извёл много, и всё безотчётно. На оружие, на съём конспиративных квартир, на завербование агентов среди революционеров.

– Много навербовал?
– Ну, что вы, господин Лыков; кого он там мог навербовать! Так, перевод средств. Приходили от него пару раз какие-то странные люди, брали аванс и более не появлялись. Лица ещё у них были синие, с отливом. А потом я из дружины ушёл. Когда понял, в какую карикатуру всё наше движение выливается, сдал дела и ушёл.

– Давно ушли?
– Прошлой осенью ещё.
– С тех пор с Дубягой дел не имели?
– Не имел. Избави Боже!
– А откуда он вообще взялся? Кто его привёл в дружину?
– Раздобыл его откуда-то сенатор Шульц, последний управляющий Третьим отделением. Патентованный мошенник! Такого же и привёл... Кажется, Рупейто был у него в отделении негласным агентом. А почему, Алексей Николаевич, Департамент полиции вдруг заинтересовался этим субъектом?

Лыков вынул из кармана письмо, обнаруженное в тайнике у Макова, и протянул его князю:

– Узнаёте почерк?
– Кажется, его...
– Что это за история с купцом, которого Дубяго предлагает вам «потрясти»? Демидов дважды перечитал письмо и вернул его затем сыщику.
– Собственно этого письма я не получал. Где вы его взяли?
– В тайнике у бывшего министра внутренних дел Макова.
– Это который давеча застрелился?
– Да.
– Он ведь в последней должности состоял министром почт и телеграфов! Перлюстрация?
– Разумеется. Но что насчёт купца? Вы сказали, что не получали именно этого письма.

Получили другое?

– Да, и сразу его уничтожил. Но суть предложения была та же самая: есть купчина, который якшается с революционерами, хорошо бы его прижать.

– Фамилию купца Рупейто-Дубяго называл?
– Нет; указал лишь, что это рогожец.
– Возраст, характер торговли, место жительства?
– Нет, более ничего.
– Что же вы ответили вашему Баранчику?
Демидов смутился.

– Я ушёл от конкретного ответа. Написал, что помочь в защите от полиции не могу, но желание наказать купчишку понимаю.

Лыков опешил, затем сощурился и посмотрел на князя очень внимательно, как доктор на пациента.

– Это можно было расценить, как ваше согласие на экспроприацию?
Сан-Донато раскис окончательно.
– Нет, конечно же нет! В крайнем случае оно смахивало на моральное одобрение, но никак не на санкцию.

– Игра слов, князь. Вы не запретили акт, а всё остальное – игра слов. Как вы, аристократ и бывший офицер, могли поступить столь... легкомысленно?

Демидов помолчал минуту, потом спросил, не поднимая головы:

– Что стало с этим человеком? Рупейто убил его?

– Этого мы не знаем. Департамент только начал расследование. Когда вы в последний раз видели Московского Баранчика?

– Тогда же, когда сдавал дела по дружине: прошлой осенью. Но почему вы так взялись за него? Даже не знаете, перешёл ли Рупейто от слов к делу. Подумаешь – три строчки в письме годовой давности! Наверняка всё осталось как было.

– Возможно. Но Макова застрелили два дня назад. В собственном кабинете, инсценировав самоубийство. И искали какие-то бумаги.

Демидов сделался блее мела.

– Но ведь Маков покончил с собой! Из-за взяток – это всем известно!

Титулярный советник встал.

– Господин Демидов! Как вам известно, я действую во исполнение высочайшего поручения. Маков погиб насильственной смертью, и в этом нет никаких сомнений. Государь повелел найти и арестовать убийцу. Версия о самоубийстве оставлена, чтобы не возбуждать в обществе лишние толки. Кроме того, преступники успокоятся, и их легче будет изловить. Вы понимаете, что должны оказать мне полное содействие? Полное!

– Да, да, разумеется! – Демидов тоже поднялся, смотрел в глаза сыщику преданно и немного подобострастно. – Я мало что знаю, но расскажу всё. Рупейте около сорока лет, по виду он бывший офицер из армейской кавалерии. Я виделся с ним всего четыре или пять раз! Где он живёт и чем занимается – не знаю; он очень скрытен. Кажется, имеет какие-то связи в полиции; возможно, они остались от Третьего отделения. И ещё у Рупейто есть колбасник.

– Колбасник?

– Ну да, ходит за ним повсюду, как Санчо Панса. Жуткий типаж! Атлетического сложения, но какого-то гориллообразного: огромная грудная клетка, длинные руки при среднем росте, а мышцы с него прямо свисают! Парень работал на колбасной машине – сами понимаете...

Лыков знал, о чём говорит князь. В колбасных заведениях используют особые ручные машины, которые режут куски мяса в мелкий фарш. Собственно машина весит несколько пудов; в неё наваливают ещё 4-5 пудов мяса, и двое дюжих парней начинают двигать скрытыми внутри ножами. На весу, над тазом, постоянно встряхивая аппарат... И так десять часов в день почти без отдыха. Через несколько месяцев такой работы парни набивают себе мускулы, какие не снились и Гераклу. В кулачные бои колбасников не брали – могли убить сгоряча, а в уличных драках их боялись даже ломовые извозчики.

– Имя этого богатыря не помните?

– Нет, я видел его только на расстоянии. Но впечатляет до печёнок. Лба, почитай, что нет, зато плечи просто невообразимые. Он должен быть чудовищно силён! И очень предан Дубяге.

– Есть кто-нибудь из бывших членов «Священной дружины», кто может добавить что-то о Московском Барашке?

– Да, такой человек существует и, возможно, он знает больше меня. Это полковник Смельский, начальник Красносельского военного госпиталя. Он в течение года заведывал у нас всей петербургской агентурой, и в этом качестве часто общался с Дубягой. Всеволод Никандрович опытный полициант: перед турецкой войной он служил помощником начальника Отделения по охране общественного порядка и спокойствия при Петербургском градоначальстве. Брат пятой степени, личный номер – 136. Состоял членом Исполнительного комитета дружины, но был уволен. После того, как подал записку.

– Что за записка?

– О необходимости реорганизации работы «Священной дружины». И об упорядочении пользования её денежными средствами.

– Теперь понятно! С таким человеком мне, действительно, следует повидаться. Что, Смельский руководил агентурной деятельностью Баранчика?

– Пытался первое время. Баранчик, видя, что полковника на мякине не проведёшь, стал обращаться через его голову напрямую ко мне и к Бобби Шувалову. Из тех соображений, что мы менее сведущи в организации охранительных мероприятий.

– Граф Шувалов – адъютант великого князя Владимира Александровича и полковник лейб-гвардии Гусарского полка, – пояснил молчавший до сих пор Фланш. – Он также входил в Исполнительный комитет «Священной дружины».

– Где я могу найти полковника Смельского?

– В Красном Селе, в госпитале.

И Лыков, опять в компании с Фланшем, отправился в Красное Село.

Смельский понравился ему с первого взгляда. Уже в возрасте, но ещё крепкий и подтянутый, с внимательными глазами хорошего полицейского, он странно смотрелся в тихой гавани столичного пригорода. Какая нелёгкая загнала сюда приличного человека? Услышав первый вопрос Алексея – о «Священной дружине» – полковник смутился.

– Я знал, что добром это не кончится. Ждал, что придут и спросят: «Смельский, старый дурак, что ты там делал?».

– Разве грешки какие за собой имеете?

– До этого, слава Богу, не дошло – если вы имеете в виду растраты. Меня уволили из Лиги без прощения, но к моему большому облегчению. Надоели болтуны типа Сан-Донато, и мошенники вроде...

– ...Московского Баранчика?

Полковник сразу помрачнел.

– Это вы про Рупейто-Дубяго, значит, пришли узнать? Тоже предсказуемо. Нет, тот не мошенник, а похуже. Что он натворил?

Лыков молча вынул письмо и протянул его Смельскому. Тот прочитал его и помрачнел ещё больше.

– Что с купцом? Жив?

– Этого мы не знаем. Будем разбираться.

– А князь – что он ответил Баранчику?

– Написал, что прикрытия от московской полиции не обещает, но чувства насчёт экспроприации вполне понимает и одобряет.

– Идиот! Молокосос! Это всё равно, что дать Рупейто индульгенцию.

– Облегчите мне поиски – расскажите всё, что знаете об этом человеке.

– Увы, я мало что знаю. Рупейто очень быстро стал действовать в обход меня, когда заметил, что я требую настоящей работы. Ему куда проще было дурить этих дубоголовых, демидовых с шуваловыми.

– Откуда он вообще взялся?

– Шульц привёл. Тоже проходимец первый сорт, хотя и сенатор. Я ещё в градоначальстве от него терпел. Казнокрад и мелкий жулик!

– Опишите наружность Дубяги.

– Роста моего: два аршина восемь вершков.⁹ Телосложения крепкого. Волоса тёмно-рыжие с сединой. Глаза зелёные навывкате. Лицо нечистое. На правой щеке родимое пятно размером с полушку. Усы офицерские. Нос прямой, обыкновенный. Уши удлинённые с закруглённой мочкой. Рот обыкновенный. Когда нервничает, грызёт ногти... Что ещё? Овал лица

⁹ 180 см.

немного ассиметричный книзу. Любит одеваться с шиком, но очень безвкусно, словно антрепренёр. Впечатление производит неприятное. Обманчиво недалёк.

– Обманчиво?

– Ну да. Знаете, есть люди не умные, но по-животному хитрые. И в некоторых ситуациях весьма опасные. Весьма. Рупейто–Дубяго нельзя недооценивать: он способен на многое, пожалуй, что и на всё. Ради денег, разумеется.

– Где он служил? Он ведь бывший офицер?

– Выглядит как бывший армейский кавалерист. Ноги, во всяком случае, кривые... Более всего напоминает кирасира.

– Но ведь кирасиры только в гвардии сохранились, армейских уж лет двадцать, как нет!¹⁰

– Полки переименовали, но люди-то остались! Кирасир – это, если угодно, характер. Тяжёлая кавалерия, войска прорыва! Их и сейчас видать в любой толпе: рослые, прямые и наглые. В бою это хорошо, а вот в общежитии – не очень. Жулики из отставных кирасиров получаюся чаще, чем из других родов войск; это уже замечено.

– Понятно. Что ещё имеете рассказать? Где Дубяго обрелся до поступления в дружину?

– Бог его ведаёт... Возможно, был и в полиции. Знаете, туда охотно берут всех, кого выбросили из полка.

– Ох, знаю, Всеволод Никандрович. Из-за таких и нам иной раз руки не подают. Адреса его не помните?

– Он останавливался обычно в номерах Артамонова на Кирочной.

– Ещё что-нибудь вспомните, пожалуйста. Любовница, какого ресторана завсегдатай, имеет ли родственников – любая мелочь может быть полезной.

– Нет, извините, мы не в тех были отношениях, чтобы он знакомил меня со своим любовницами.

– Про колбасника его что имеете сказать?

– Это вы о Михайле спрашиваете? Зоологический тип. Силищи невероятной, а умишком обойдён. Зато очень предан Рупейте: порвёт по его указке любого.

– Он из уголовных или просто лихого поведения?

– Точно не скажу, бесед с ним не вёл. По повадкам, так вроде он не сидел; но тюрьма по нему давно плачет! Впрочем, я видел его всего дважды и дальше передней не пускал.

– А как к такому Мишке относились всякие светские тузы – графы и князья?

– Странно, но его присутствие лишь придавало веса Московскому Баранчику. Посмотришь на этого колбасника и сразу поймёшь: тут человек дела. Белоручкам и паркетным шаркунам нравилось, что под их командой состоит подобный оранг-утанг. И случись что, эти двое легко замараются там, где графья с князьями сдрефят. А то вон штабс-ротмистр Безобразов из кавалергардов принёс проект: он поедет в Женеву как частное лицо, там придерётся к Лаврову, вызовет его на дуэль и убьёт. Каково? Причём Безобразов состоял товарищем начальника петербургского округа «Священной дружины»! Официальное, так сказать, лицо и мой непосредственный начальник. Ох, грехи наши тяжкие...

– Как же вы, Всеволод Никандрович, простите, в это вляпались? Вы же не те шаркуны, имеете полицейский опыт.

– На деньги прельстился, Алексей Николаевич. Грешен! Я с семьдесят пятого года занимаюсь сыском. Ещё при Трепове служил чиновником особых поручений в секретном отделении канцелярии градоначальства. Потом в чине подполковника перешёл в охранное отделение, был помощником его начальника. Ушёл с этой должности на войну. Подал рапорт добровольцем, но в сами боевые действия не попал, сунули в службу военных сообщений. Там тоже скучно не было! По окончании войны вернулся в столицу: место моё занято, в отделении

¹⁰ В 1860 году все армейские кирасирские полки были переименованы в драгунские.

новый начальник, подполковник Судейкин, переведённый из Киева... Кое-как пристроили старые товарищи сюда, в военный госпиталь, пенсион дослуживать. А тут вдруг! Вспомнили мои прежние навыки и предложили возглавить агентуру петербургского округа «Священной дружины». Такие имена! Я думал – это серьёзно, коли такие имена... Ну и кроме того жалование шесть тысяч в год плюс тысяча двести прогонных! Кто ж от такого откажется? Конечно, я прельстился. Но на полгода только и хватило моего усердия. Поначалу всё шло успешно: ввели меня в Исполнительный комитет, дали «брата 5-й степени». Начал собирать агентуру. А потом такое началось... Вспоминать стыдно. Как понял я, куда ветер дует, попробовал сначала исправить. Написал докладную записку Набольшему – это графа Воронцова-Дашкова кличка. Так, мол, и так, деньги летят без счёта, нужно сделать то-то и то-то. Конкретные предложения. Дата, подпись. И тут же выскочил обратно в госпитальные начальники. Пользую теперь увечных воинов и радуюсь, что легко отделался.

– У вас остались, может быть, какие-то записки от Рупейто-Дубяго, донесения, письма?

– Нет, я всё при отставке передал Демидову, князю Сан-Донато. Но это был один мусор, он вам ничем не поможет. Нужно ехать в Москву, искать там.

Глава 5

Августейшая версия отпадает

Благово решил ковать железо, пока горячо. Всё ж таки за ним стояло высочайшее повеление, распахивающее любые двери... Если пугануть им как следует Виноградова, может, и расколется. Своя голова дороже; сдаст он Сашку-офицера – и дело раскрыто.

И статский советник поехал обратно в сыскное. Виноградов проводил допрос какого-то оборванца с подбитым глазом. Увидав вернувшегося Благово, он сразу помрачнел, выставил мазурика из кабинета, сел, сжал кулаки и спросил:

– Ну, что ещё?

– Господин Виноградов, вы представляете, что будет с вами, если выяснится, что вы препятствуете следствию? Находящемуся на контроле у его величества... С вашим-то количеством врагов!

– У хорошего сыщика всегда много врагов. Но поясните вашу мысль насчёт воспрепятствования.

– Я сейчас поговорю в телефон прямо при вас с фон-Плеве, вызову особую команду департамента, мы заберём Панибратова и он очень быстро расколется. Полагаю, и записочки ваши отыщутся, по которым он Сашку-офицера выпускал.

Начальник отделения задумался. Вид у него при этом был вовсе не испуганный, скорее, раздосадованный.

– Ладно, – сказал он спустя минуту. – Я же понимаю: если вы вцепились в хвост – уже не отстанете. Вас бы, по правде говоря, надо на моё место. Только намекните – я уйду без борьбы. Жалование очень хорошее!

– Давайте о деле.

– А может, лучше не стоит? Поверьте, я вас уважаю и желаю добра. Тут такие люди замешаны... Даю слово дворянина, что Сашка Макова не убивал; он был занят в ту ночь другими делами. И вам бы лучше не знать, какими. Обещайте мне не давать хода тому, что услышите!

– Я должен знать всё, господин Виноградов. До мелочей. И сам потом решу, как мне распорядиться этими сведениями.

Статский советник опять надолго задумался. Почему же он так спокоен? Здесь каторга светит, с лишением всех прав состояния. Что-то не так...

– Хорошо. Если вам угодно совать свою голову под топор, не смею вам в этом мешать. Но я предупредил! А теперь вспомните полицейскую сводку по столице на 28 февраля. Департамент её получает. Сколько там было убийств?

– Сводку той ночи? Момент... Кажется, кроме смерти Макова там ещё было одно убийство. Купца какого-то. Так?

– Именно так.

– Его зарезали в трактире «Рим», в Апраксином.

– И как артистично зарезали, Павел Афанасьевич! Сидел себе купец, потреблял ботвицию с сигами. Кругом уйма народу. И тут вдруг – раз! – линнемановской¹¹ лопаткой, словно топором, по сонной артерии. У всех на глазах, не тушуясь. Ударивши, убийца спокойно направился к дверям и вышел вон, никем не остановленный. Так все были поражены, что даже словесный портрет злодея не смогли потом составить! Крови натекло – страсть; я сам выезжал на место происшествия.

¹¹ Линнемановская – прежнее название малой сапёрной лопатки.

– А, выйдя из трактира, сей головорез отправился на Офицерскую и заселился обратно в камеру? Где никому и в голову не придёт его искать.

– Именно так.

– Вы настолько спокойно мне в этом признаётесь, господин статский советник, что, право, я обескуражен. Кто дал Сашке-офицеру приказ кончить несчастного купца?

– Терпение, господин статский советник; сейчас мы дойдём и до имён. Но сначала уточним личность убитого. Не помните фамилию из сводки?

– Смешная какая-то фамилия... Нет, достоверно не помню.

– Зелипупов, моршанский купец. Теперь понимаете?

– Зелипупов? Тот самый? – Благово стукнул себя кулаком по коленке. – Вот оно что! Ну да, конечно, тот самый. Эко вывернуло!

Уже давно, в 1869 году, в Тамбове судили секту скопцов, возглавляемую знаменитым Максимом Плотицыным. Этот обычный с виду моршанский торговец оказался, по итогам следствия, главой всего скопческого старообрядческого толка, самого богатого и самого законспирированного из расколов. Со всей России единоверцы передавали Плотицыну капиталы на развитие учения. Во время обыска полиция обнаружила подземные кладовые, доверху набитые деньгами. Дом Плотицына был подобен дворцу Аль-Рашида: по всем полкам и на подоконниках лежали в беспорядке бесценные ожерелья из драгоценных камней, золотые табакерки, перстни с бриллиантами... Всего было конфисковано денег и ювелирных изделий на сумму более десяти миллионов рублей! На суде вскрылись факты связи сектантов со многими важными тузами, даже из высшего общества. Расколо-учитель и с ним ещё 27 единоверцев отправились на каторгу. При этом оказалось, что сам предводитель секты оскотлён не был и вёл весьма скромный образ жизни!

Позже выяснилось и другое: полиция конфисковала лишь часть скопческих капиталов. Незадолго до ареста Плотицын успел передать основные богатства своему помощнику, моршанскому же купцу Зелипупову. Последний тоже оказался под судом, но был оправдан и сделался затем новым предводителем изуверской секты. Синод довёл это до сведения государя, и Александр Николаевич лично повелел сослать начётчика в Вологду. Высочайшее повеление саботировалось несколько лет! Зелипупов вёл себя вызывательно: открыто жил в Моршанске, занимался коммерцией, наезжал и в столицы. Наконец, он в тамбовском казначействе случайно попался на глаза вновь назначенному начальнику губернского жандармского управления полковнику Новицкому, который шуток не признавал. Обнаглевший купец оказался – таки в Вологде. С тех пор прошло десять лет, в течение которых Благово ничего не слышал о Моршанском Аль-Рашиде. И вот теперь Сашка-офицер зарубил его в питерском трактире линнемановской лопаткой!

– Что, вологодская ссылка уже закончилась?

– Давно! Скопцы выкупили его у Макова за сто тысяч.

– Кто же велел убить Зелипупова? Как я понимаю, Сашка получил заказ через ваше посредничество, а вам велено было помогать.

– Истинный крест, Павел Афанасьевич. Всё расскажу, не сомневайтесь. Ведь в этом имени – моё спасение! Вы, как и пожелали, узнаете полный расклад – и после этого оставите меня в покое.

– Настолько в этом уверены?

– Настолько, настолько. Дело в том, что Зелипупов много лет ссужал деньгами... великого князя Михаила Николаевича. Ещё когда тот был наместником на Кавказе. Ссуды августейший должник, разумеется, не возвращал, но оказывал за это обер-скопцу своё покровительство. В том числе прикрывал и от полиции. При прежнем государе, своём брате, Михаил Николаевич ничего не боялся. Тогда сосланным на Кавказ «христовым голубям» был просто рай: никто их не трогал, все знали: хозяин не велит! Но государь сменился и Зелипупова взяли

наконец за пищик¹². Он и давай козырять именем великого князя: расписки показывать и даже частные письма. Отстаньте, говорит, а то нажалуюсь на вас самому! Сыщики же только смеются. Жалуйся, говорят, старый мерин, а только Александр Третий не то, что Второй. Он таких вещей не терпит; будет на орехи и тебе, и великому князю. И верно: пришёл к Михаилу Николаевичу судебный следователь и стал вопросы задавать. Представляете? Вежливо, но вопросы-то всё неудобные. Нашего фельдмаршала чуть от такой наглости кондратий не хватил. Он было на дыбы: как ты смеешь, мальчишка, я тебя в порошок сотру... Побежал к царствующему племяннику, а тот говорит: перед законом, дядя Миша, мы все равны и я тоже. Чтобы принял ещё раз следователя и ответил на все вопросы! В итоге ко мне явился генерал-адъютант Софиано.

– Леонид Петрович?

– Так точно. Товарищ генерал-фельдцехмейстера¹³, правая рука Мишутки не только по артиллерии, но и по всяким более интимным делам. Ловкий господин! Софиано передал мне просьбу своего августейшего патрона: заткнуть Зелипупову рот. Я подумал – и предложил, так сказать, радикальный способ. Как раз у меня Сашка-офицер об эту пору под боком был. Великий князь, как мне передавали, спервоначалу ужаснулся. По-моему, так просто денег жалел: Сашка запросил пятнадцать тысяч. Но скопец всё не унимался, и начал давать уже весьма откровенные показания под роспись. Ему ничего другого и не оставалось: скопцов теперь не на тёплый Кавказ ссылают, а в Якутскую область... Словом, согласие и деньги были получены, дело – сделано. Если бы не вы, Павел Афанасьевич, так бы всё и осталось шито-крыто. Скажите – правда за правду – как вы узнали? Это вам Скиба сказал?

– Кто таков этот Скиба? – не моргнув глазом, ответил Благово. – В свидетели пойдёт?

– Или Миронович? Тот тоже подлец известный.

Сыщики помолчали. Благово, признаться, был обескуражен услышанным. Дядя государя, председатель Государственного совета, генерал-фельдмаршал – и заказчик наёмного убийства. Что теперь делать с такими сведениями? Виноградов смотрел на него с усмешкой и почти сочувствием.

– Да не забивайте себе голову, Павел Афанасьевич! Доложите всё Плеве, а он пусть решает.

– Плеве не полезет в такой вопрос.

– И правильно сделает! Плодить себе недругов из великих князей... Таких дураков нет. Он доложит министру. Тот на себя тоже не возьмёт. Я вам расскажу, как дальше сложится. Граф Толстой не решится докладывать государю такое мутное дело, а поедет на Миллионную, 19¹⁴. И там они... что? правильно! обо всём договорятся. Я никаких показаний, извините-с, не дам. Сашка-офицер примет убийство на себя – мстил-де за честь поруганной сестры – и пойдёт на каторгу, откуда вскорости и сбежит. Крайним окажется мелкая сошка Панибратов. Он во всём сознается: да, выпускал душегуба на одну ночь за мзду, ешьте меня с кашей... Его выгонят со службы, а Михаил Николаевич в награду пристроит верного человечка. Каким-нибудь смотрителем в своё имение Боржоми. В жаловании Панибратов существенно выиграет, и от столиц будет далеко. Кому от вашего дознания повезёт, Павел Афанасьевич, так это ему!

– А вы?

– А я... останусь начальником сыскной полиции. И вы ещё не раз по службе будете со мной соприкасаться. Обещайте же не смотреть тогда волком!

И Виноградов весело рассмеялся.

¹² За горло (жарг.).

¹³ В. кн. Михаил Николаевич помимо прочих своих должностей являлся также генерал-фельдцехмейстером, то есть начальником всей российской артиллерии.

¹⁴ Дворец в. кн. Михаила Николаевича.

Раздосадованный Благово ушёл не прощаясь. Будто дерьма наелся! Разумеется, всё получилось именно так, как предсказывал главный столичный сыщик. Павел Афанасьевич доложил полученные сведения Плеве и тот без раздумий приказал ему расследовать две оставшихся версии убийства Макова. А этой больше не касаться.

Глава 6

Взбаламученное болото

Смерть Макова вызвала в столице очередную волну пересудов. 1 марта днём в Петропавловском соборе состоялась панихида по умершему 27 февраля бывшему канцлеру Горчакову, в присутствии императора. Благово по должности обязан был на ней присутствовать. В парадном мундире с чёрным крепом на рукаве он обошёл несколько знакомых семейств: Новосильцевых, Глинку-Маврина, Волковых – все говорили только о Макове. Несчастный канцлер, всеми забытый, никого более не интересовал, а тут такое событие... Павел Афанасьевич внимательно выслушивал сплетни – он знал, что в расследовании всё может пригодиться.

Оказалось, например, что смерть бывшего министра уже успела породить скандал. Лев Саввич до последнего оставался членом Государственного совета. Председатель его, великий князь Михаил Николаевич, письменно запросил обер-прокурора Синода Победоносцева: должно ли оказывать покойному какие-либо почести? Тот немедленно и категорично ответил запиской, что никаких (на что же рассчитывать самоубийце и взяточнику?) Такое же мнение устно высказал и государь, тогда ещё не извещённый, что Маков ушёл из жизни не по своей воле. Однако помощник статс-секретаря Гартман по собственной инициативе разослал всем членам совета повестки на панихиду по их товарищу. Пришлось Половцову, как секретарю, отменять эти повестки и отсчитывать своего излишне ретивого подчинённого.

Общество нимало не сомневалось, что Маков застрелился, спасаясь от надвигающегося ареста и позора. Слухи о его огромных растратах в бытность министром всё множились; назывались уже баснословные суммы. Кроме казнокрадства, покойнику приписывали ещё и многочисленные взятки со старообрядцев запрещённых толков.

Вечером 2 марта Плеве вызвал к себе Благово и передал ему собственноручную записку государя, адресованную княгине Юрьевской. В ней Александр Александрович повелевал безутешной вдове немедленно вернуть в Россию украденный ею дипломатический документ. А также ответить на все вопросы статского советника Благово, которые тот сочтёт необходимым задать. Вместе с запиской Плеве вручил Павлу Афанасьевичу заграничный паспорт и билет до Парижа.

– Вячеслав Константинович, в соборе давеча много говорили о маковском казнокрадстве. Насколько эти слухи справедливы? Его действительно ожидал арест?

– Со дня на день. Вы знакомы с тайным советником Перфильевым?

– Это со Стёпой? Лично, слава Богу, нет, но говорят о нём исключительно плохое.

– Степан Степаныч действительно легендарный мошенник. Он друг покойного, и был при Макове-министре директором канцелярии МВД. Основные хищения совершались именно там; достоверно установлена пропажа 380 000 рублей. Перфильев воровал и делился с Маковым, а тот его прикрывал. Следовательно уже получил ордер на арест Лёвы, как вдруг такое дело.

– Со смертью Макова расследование о хищениях прекратится?

– Оно стало невозможным. Перфильев валит всё на министра, а того уже не спросишь.

– Стало быть, Степан Степаныч много выиграл от смерти Макова?

Плеве вскинул голову:

– Вы полагаете?

– Старая истина: ищи, кому выгодно.

– Хм... Об этом я не подумал. Ещё одна версия, ничуть не хуже прочих. От такого подлёца всего можно ожидать.

– Когда Макова в восьмидесятом году заменил Лорис-Меликов, Юрьевская уговорила государя создать специально для него министерство почт и телеграфов. Уходя, Лёва взял друга

Стёпу с собой и назначил его директором Почтового департамента. Перфильев в этом качестве имел отношение к перлюстрации?

– Нет, это противу правил. Работа «чёрных кабинетов» – важнейшая государственная тайна; официально их не существует. По всей империи таких кабинетов лишь девять: здесь, в столице, а также в Москве, Варшаве, Киеве, Харькове, Тифлисе, Вильно, Бресте и Одессе. Здешней перлюстрацией заведует петербургский почт-директор тайный советник Шор. Владимир Фёдорович – очень важная персона! Каждое утро он особым курьером в двойных конвертах пересылает выписки из вскрытой корреспонденции лично министру внутренних дел. И никому более! Я и даже Оржевский не допущены к этим вопросам.

– Откуда же тогда в тайнике у Макова взялись украденные письма? Он уже три года, как не министр внутренних дел, а найденная мною корреспонденция – полугодовой давности.

– Нынешний порядок ввёл нынешний государь. При его августейшем родителе Маков как почтовый министр ведал в том числе и перлюстрацией. На этом, кстати, он и погорел.

– Да, я тоже такое слышал. Рассказывали, что он принёс новому императору целую связку чужих писем, желая тем ему услужить. Его величество, напротив, разгневались и Маков был отставлен, а министерство его ликвидировано. Правда, перлюстрация, как таковая, сохранилась: его величество понимает её необходимость для охранения государства.

– Просто она стала менее доступна для всяких проходимцев. Факт вскрытия частной корреспонденции не радует государя, но он согласен, что в интересах безопасности не до чистоплюйства. В прошлом году ассигнования на перлюстрацию увеличены вдвое против прежнего. Граф Толстой время от времени представляет на прочтение его величеству выписки из писем, но лишь политического характера. Александр Второй, наоборот, требовал сплетен...

– И всё-таки не складывается, Вячеслав Константинович. Маков отставлен от почтового министерства 16 марта 1881 года. А два из трёх обнаруженных у него писем датированы 82-м годом, когда Лев Саввич уже дремал в Государственном совете. Кто-то продолжал снабжать своего уже бывшего начальника чужой корреспонденцией.

– Это точно не Шор. Он держится за своё место зубами: по секретной росписи расходам, ему полагается усиленный оклад жалования. Кто-то из чиновников помельче. Видимо, ещё в бытность Макова почтовым министром они сколотили на паях предприятие по краже секретов. Потом шантажировали людей и этим зарабатывали; о Лёве ходила такая слава. И даже уйдя в Госсовет, Маков, получается, сохранил возможность читать чужие письма. Но ничего, мы отыщем того, кто ему помогал! Штат петербургского «чёрного кабинета» всего 14 человек – не спрячется.

Благово собирался уже откланяться – утром ему ехать в Париж, но Плеве всё не отпускал его. Он ходил по кабинету в некотором смущении, словно не решался заговорить. Статский советник вопросительно взглянул на начальство:

– Что-нибудь ещё, Вячеслав Константинович?

– Да. Меня попросил об этом граф Толстой, а его, в свою очередь, граф Воронцов-Дашков. Вам нужно встретиться с тайным советником Римером и получить от него некоторые инструкции. Нет, я неверно выразился: не инструкции, а сведения. Нет, опять не то...

Благово недоумённо молчал. Кто такой этот Ример? И что это за сведения, которые оказываются на проверку инструкциями? Последние принято получать лишь от начальства, а не от посторонних тайных советников.

Плеве потёр в раздражении лоб.

– Чёрт, как же правильно назвать? Одним словом, Карл Карлович Ример – влиятельная фигура, близко стоящая к государю. Уф! Ну, если не к самому его величеству, то к людям, его окружающим. В первую очередь к Победоносцеву и Воронцову-Дашкову – эти двое сейчас заправляют всем в империи. Именно Ример придумал «Священную дружину»; идея хотя и неудачная, зато патриотичная. Я вижу, вы не согласны, но не спорьте, пожалуйста! Так вот.

Поскольку ваше расследование касается этой организации, вам и следует встретиться с Карлом Карловичем. Вы получите важные сведения из первых рук, а заодно и некоторые советы о том, как надо вести это дело.

– Позвольте уточнить, ваше превосходительство, – перешёл на официальный тон Благово, – в какой мере я должен считать эти «советы» приказами? И как лицо, постороннее вертикали полицейской власти, может руководить моими действиями? При наличии высочайшего повеления...

– Я понимаю ваше раздражение, Павел Афанасьевич. Мне самому это не нравится. Но имеется приказ министра: увидеться вам с Римером и получить от него указания о рамках расследования.

– Кто он вообще такой? Никогда не слышал этой фамилии.

– Тайный советник Ример состоит членом Совета министра внутренних дел¹⁵. Насколько я извещён, служба его протекала сначала в МИДе, потом по нашему ведомству. Чем он там занимался, точно не скажу, но трётся он в очень высоких сферах. Близкими конфидентами Римера являются генерал Богданович и князь Владимир Мещерский – дальнейшее, полагаю, можно не объяснять...

Благово нахмурился. Действительно, дальше можно не объяснять! Генерал Богданович состоял в том же Совете МВД, а ещё являлся старостой Казанского собора. В таковом качестве он стремился залезть в любую щель, где только пахло рублём. В средствах генерал не стеснялся и был поэтому непреходящим героем скандалов, грязных интриг и махинаций. Салон генеральши Богданович стал главным в столице центром по производству сплетен. Порядочные люди сторонились славной семейки, как чумы; проходимцы всех мастей, наоборот, всегда находили здесь радушный приём.

Ещё хлеще был второй «конфидент» Римера князь Мещерский. Происхождением из старинного славного рода, он опозорил фамилию непередаваемой мерзостью характера. Мужеложец, не скрывающий своих противуестественных наклонностей, он издавал на казённые средства журнал «Гражданин». Это весьма обыденное и вполне приличное занятие князь сделал доходным ремеслом. Сановники из числа нетвёрдых заискивали перед ним и платили большие суммы за хвалебные в свой адрес статьи. Оппоненты же делались – через журнал – жертвами публичного доноса. Сила князя заключалась... в его покойной сестре Марии.

Пятнадцать лет назад нынешний император, а тогда ещё наследник, влюбился в юную и красивую фрейлину Мари Мещерскую и совсем потерял голову. Как раз в это время на самом вершине решался вопрос о его женитьбе на датской принцессе Дагмар, доставшейся цесаревичу по наследству от умершего старшего брата. Александр Александрович пришёл к отцу и заявил, что не хочет жениться на датчанке. И наследником престола тоже быть не хочет. Он любит Мари, любит больше всего на свете, и желает жениться на ней и жить частным человеком. Император долго не мог понять, о чём ему говорит срывающимся голосом новый наследник. А когда понял, беседа их завершилась очень быстро. Александр Второй просто наорал на сына и выгнал его вон. Сказал: «Женишься, как велю. Думаешь, я бы не хотел жить счастливо с любимой женщиной частным человеком? А кто крест нести будет? Крест правителя огромной, нищей, всегда готовой взорваться страны. Крест человека, отвечающего за эту грозную страну перед Богом. Ох, как он тяжёл... Мне уж недолго осталось; на том свете отдохну. Тогда ты сядешь на моё место и поймёшь. Иди. У нас, царей, нет права на личную жизнь. Смирись.» И Саша смирился – он был послушным сыном. Женился на Дагмар – сейчас это русская императрица Мария Фёдоровна. Живёт августейшее семейство душа в душу, подавая всем пример для подражания. Прекрасная Мари вышла замуж в том же 1868 году за миллионщика Демидова и через год умерла родами. Александр Александрович до сих пор, говорят, хранит на дне

¹⁵ Министерские советы в императорской России – коллегиальные консультативные органы при министрах.

своего сердца память о ней. И хотя он счастлив в браке и, в отличие от своих блудливых отца и деда, не ходит на сторону, первая любовь свята... Поэтому Владимир Мещерский, сколь бы гнусен лично он ни был, находится под высочайшим покровительством. И может себе позволить всё, что угодно. И позволяет! Благово не видел ничего предосудительного в издании за казённые деньги патриотического журнала. Надобно бороться за умы, иначе всё профурсим. Вот только человек, которому власть доверяет столь деликатное дело, должен быть чист. А на Вово Мещерского вот опять уголовное дело завели по обвинению в непристойной связи с трубачём Московского полка. Какой уж тут патриотизм...

Итак, приятель двух негодяев и при этом посланник всесильного министра двора желает с ним побеседовать. И передать ряд советов. Точнее, приказаний. А министр внутренних дел и директор департамента, непосредственные начальники Благово, не сочли возможным отстоять законный ход расследования. Передали статского советника в чужие, при этом весьма грязные, руки, и умыли свои. Что ж, придётся встречаться, а там поглядим.

Как оказалось, тайный советник Ример уже подошёл и дожидался в секретарской, пока Плеве обработает своего вице-директора. Вячеслав Константинович лично открыл дверь, впустил гостя, а сам вышел, сказав:

– Я на десять минут схожу к телеграфистам.

Карл Карлович Ример оказался низеньким сухеньким мужчиной десятью примерно годами старше Благово. Бритое надменное лицо, взгляд умный, злой и, так сказать, сановитый... Достоевский написал про таких: «болезненное высокомерие». Тайный советник с порога пытался обозначить, кто тут главный.

– Господин Благово, вам передали о директивности нашей беседы?

Статский советник молча, с достоинством, кивнул. Глаза Римера сделались ещё злее.

– Вам, как я вижу, это не нравится? Угодно формализоваться?¹⁶

– Поглядим, как дальше пойдёт, – небрежно ответил Благово.

Ример прошёлся в задумчивости по кабинету и, как бы невзначай, сел за директорский стол. Павел Афанасьевич иронично хмыкнул и уселся в кресло напротив, положив ногу на ногу.

Несколько секунд тайный советник смотрел на статского, словно решая, как ему вести себя далее. Потом резко спросил:

– Быть может, вас поменять? И по этому делу, и вообще по должности? Строптивы уж очень...

– Попробуйте. За место я не держусь. Решать о моей должности, правда, не вам, любезный; на то соответствующие люди есть.

– Вы и вправду такой незаменимый?

– Спросите у начальства.

– Да уже спросил. Говорят, кроме вас, никто более не справится. А насчёт «соответствующих людей», так именно они меня и прислали. Они и решают. В том числе, на основе моих рекомендаций. Так что учтите, господин статский советник: если вы мне не угодите, решение придёт очень быстро!

– Вот уж что я совершенно не намерен делать, так это угождать вам. Говорите дело; у меня мало времени. А что там потом решат на ареопаге, и будут ли при этом учтены ваши рекомендации, мы узнаем позже.

– Не понимаю вашего упрямства! – в крайнем раздражении проговорил Ример. – Вам должны были сообщить, что я уполномочен давать вам любые указания!

– Эка хватил! – присвистнул Благово. – «Любых» указаний мне, столбовому дворянину, не может давать никто, даже государь. И уж тем более не таинственные посланники с загадоч-

¹⁶ Формализоваться – обижаться.

ных верхов. Вы дело-то говорить будете? Иначе я сейчас откланяюсь... Чаю надо купить в дорогу. С бубликами. А если тон мой не нравится – так подите вон! Жалуйтесь кому хотите.

Ример пожевал молча губами, разглядывая дерзкого собеседника. Тот сидел совершенно равнодушный; было видно, что ему действительно наплевать на все угрозы.

– Ну хорошо. Я действительно доложу в инстанциях о вашем поведении, но пока попробуем продолжить беседу. Как вам видится её продолжение?

– Вы вежливо, без угроз и зубовного скрежета, излагаете мне то, что хотите изложить. Я столь же вежливо вас выслушиваю. Буде мне что-то не понравится в ваших, как вы их называете, инструкциях, я сношусь со своим начальством – выполнять ли мне их? Ежели что-то не понравится очень – выполнять не буду, кто бы ни приказал.

– Тогда вам придётся покинуть службу!

– Безусловно, – согласился Благово, – поеду в Мариенбад почки лечить.

– Хорошо, попробуем сойтись на вашей платформе, – миролюбиво кивнул Ример. – Я, с вашего разрешения, начну с разъяснения моего в этом деле участия.

– Сделайте одолжение.

– Начатое вами, господин Благово, расследование убийства Макова выводит вас на недавно закрытую «Священную дружину». Так?

– Так.

– Дело в том, что мы с графом Владимиром Илларионовичем Воронцовым-Дашковым являемся её, так сказать, изобретателями.

– Сомнительные лавры, – хмыкнул статский советник.

– Не торопитесь. Сама идея была верной. Лечи подобное подобным! Террористы не стесняются стрелять из-за угла или взрывать исподтишка динамитом, а полиция всё законы перечитывает: как бы чего не нарушить! Из-за этого и не уберегли помазанника Божиего, Александра Освободителя. Не согласны?

– По совести, в ваших словах есть доля правды. Успешно бороться с людьми, не имеющими никаких принципов, можно только... хгм... имея очень широкий инструментарий. Это давняя моральная проблема всех порядочных правоохранителей: где остановиться? какой ценой ты готов получить результат?

– Вот видите, мы кое в чём, и очень важном, уже сошлись! – обрадовался Ример – Сейчас обсудим вопрос, да может, и обо всё договоримся. Но я продолжу.

Собственно, идея создания дружины принадлежит лично мне. Я убедил в правильности её графа, а тот уже занялся самым созданием тайного общества. С ведома и полного согласия его величества. Там было две главные цели. Первую я вам уже изложил: расширить, как вы изволили выразиться, инструментарий борьбы с террористами. Вторая цель – вовлечь в эту борьбу здоровые силы всего общества, не оставлять её только одной полиции. Полагаю, и здесь вы со мной согласитесь.

– Разумеется. Общество, в котором стыдно быть патриотом, но модно – либеральным болтуном, обречено на крушение. И никакая полиция его не спасёт.

– Павел Афанасьевич! – Ример вскочил с кресла, обежал письменный стол, их разделяющий, и остановился перед Благово. – Это же полное совпадение в главном, в принципах! Я ошибался в вас; примите мои извинения за тон, в котором я начал беседу.

– Бог с ним, с тоном, давайте о деле. Согласитесь, Карл Карлович, что ваши идеи, будучи верными по сути, оказались извращены. Что за сброд вы, простите, набрали для исполнения столь тонких и ответственных задач!

Ример вздохнул и сел напротив.

– Да, я рансеньирован.¹⁷ Это чисто русская беда. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... Как тараканы из щелей полезли вдруг такие личности, что просто диву даёшься!

– Вроде Рупейто-Дубяго?

– Вроде Рупейто-Дубяго. Я встречался с ним один раз, но мне хватило. Этот может и ограбить, и зарезать, а дружина ему нужна только для прикрытия. Не исключаю, что Макова застрелил именно он. Поэтому все передаваемые мною инструкции – давайте назовём их просьбами, чтобы вам было легче – сводятся лишь к одному: действовать деликатно! В составе «Священной дружины» состояло немало благородных людей с честными намерениями; взять хоть бы композитора Чайковского! Нельзя их отталкивать. Второй раз таких уже не собрать, если сейчас публично раскрыть имевшиеся в практике перекосы. Ведь цели проекта были исключительно патриотическими. Защитить жизнь нашего обожаемого монарха – кто под этим не подпишется? Только негодяи.

– То есть, мы с вами сейчас говорим только о деликатности?

– Фактически, да. Любая огласка о таких типах, как Дубяго, оттолкнёт наших союзников. И очень будет на руку нашим противникам. Просьба о деликатности и особой секретности производимого вами расследования исходит от упоминаемых мною патриотов, обеспокоенных разбродом в обществе. Мы объединены идеей благоденствия России под сенью самодержавной монархии. В число нас входят и министры, и некоторые великие князья, и много крупных сановников. Сотрудничая с нами, вы будете обеспечены благосклонным вниманием высших властей и, как следствие, успешной карьерой.

Заметив тень на лице Благово, Ример тут же оговорился:

– Понимаю, что для вас, Павел Афанасьевич, важен не личный успех, а здоровье государственного организма; но ведь одно другому не мешает!

– Хорошо. Первую просьбу-инструкцию я понял. Я должен держать вас в курсе расследования и согласовывать с вами свои действия. Так?

– Истинно так, и, пожалуйста, без обид. Одно дело делаем!

– Ещё что?

– Вторая просьба-инструкция касается княгини Юрьевской. Она ведь тоже фигурирует в вашем расследовании?

– Да, одна из версий связана с ней.

– Протокол с французами?

Благово промолчал.

– Я рансеньирован и об этом, Павел Афанасьевич. Министр Гирс в панике, а государь в гневе. Вы ведь выезжаете в Париж для встречи с нею?

– Точно так.

– Пославшие меня люди и здесь весьма не желают огласки. Эта бесчестная женщина хорошо понимает щекотливость созданного ею положения и фактически шантажирует государство! Занимается этим княгиня уже давно. Издала во Франции книгу о покойном венценосце, своём муже, полную интимных подробностей. Встречается с журналистами, а французские журналисты – это не наши, они напишут любую грязь, лишь бы продать тираж. Бог знает, на что ещё способна эта жадная дура... Я уполномочен сообщить вам следующее: государю стали известны все её секретные счета. Наш посол в Лондоне граф Шувалов, бывший шеф жандармов, использовал свои давние связи. По личному повелению его величества он провёл расследование и обнаружил в банках Германии и Франции вклады Юрьевской на общую сумму более 5 000 000 рублей. Откуда у неё такие деньги? Александр Второй завещал ей (Ример вынул из кармана каю-то бумажку и справился по ней) 3 302 970 рублей. Ещё 100 000 она получает ежегодно из казны как вдова императора. А остальное как заработано? Конечно, это

¹⁷ Рансеньирован – осведомлён.

взятки, полученные княгиней в то время, когда она торговала концессиями и должностями, пользуясь своей близостью с государем. По совести, их бы надо конфисковать и вернуть на родину. И влияния русского императора достаточно, чтобы заставить власти Германии и Франции совершить со счетами Юрьевской подобную операцию. Вы должны передать ей это и категорично потребовать украденный документ – иначе останется без копейки!

– Вы передаёте мне августейшее повеление? Через кого именно вы его получили?

– Не через кого, Павел Афанасьевич, а от кого. Я услышал это из уст самого государя два часа назад. Он просил передать также, что надеется на вашу опытность.

Благово встал, вытянул руки по швам:

– Приложу все силы, дабы оправдать доверие его величества!

Глава 7

Разговор в карете

На этом беседа с загадочным господином завершилась, и Павел Афанасьевич направился к себе на квартиру собираться в дорогу. Неожиданно на подъезде министерства его окликнули. Незнакомый человек кивнул на стоящую поодаль карету с зашторенными стёклами и протянул статскому советнику визитную карточку.

– Не сочтите за труд поговорить. Всего несколько минут!

Благово развернул карточку к свету и с изумлением прочитал: «Граф Лорис-Меликов Михаил Тариелович». Вот так интрига! Бывший министр внутренних дел и всевластный «диктатор сердца» при Александре Втором, фактический регент России. Хитрый армянин едва не протащил при обезумевшем от любви прежнему императору конституцию, и только воцарение другого Александра, монархиста до мозга костей, отменило эти планы. А то бы сегодня уже парламент выбирали! Сейчас отставной диктатор проживает в Ницце, кстати, по соседству с Юрьевской. Что привело его сюда, и зачем ему понадобился сыщик в скромных чинах?

Благово без раздумий сел в карету и она сразу тронулась.

– Вы позволите отвезти вас на квартиру? – спросил граф после того, как они представились друг другу. – А по пути и поговорим.

Благово согласился, и они неспешно покатали на Театральную. Павел Афанасьевич с любопытством разглядывал знаменитого администратора. Постарел! А ведь ему нет ещё и шестидесяти. Тридцать лет непрерывных войн на Кавказе, а затем управление вздыбленной огромной страной износили этого некогда весёлого, храброго и незлого человека. Благово, не разделяя политических взглядов Лориса, относился к нему с глубоким уважением. Настоящий боевой генерал, с золотым оружием и двумя Георгиевскими крестами. Когда террорист Млодецкий в 1880 году в упор стрелял в него, смелый кавказец не стал, как его император в похожей ситуации, убежать зайцем от пуль. Он бросился на убийцу с кулаками, повалил его, отобрал револьвер и сдал подоспевшей охране. А затем просил царя не вешать Млодецкого, как это полагалось по закону, а сохранить ему жизнь. Царь, правда, не согласился, и террориста казнили... Хитрости, конечно, Михаилу Тариеловичу, тоже было не занимать – на то и армянин. С Юрьевской сильно дружился, когда этого требовало дело; либеральничать научился сообразно моде. Ну, да всё это прошлое...

Два умных человека ехали какое-то время молча, разглядывая друг друга, затем бывший диктатор неожиданно спросил:

– Вы сейчас с Римером беседовали?

– Да, – удивлённо ответил Благово. – У вас остались в министерстве конфиденты?

– А вы знаете ли, что это за человек?

– Тайный советник, член Совета министра внутренних дел. Утверждает, что два часа назад беседовал с государем.

– Ример сказал вам, что именно он придумал пресловутую «Священную дружину»?

– Да. Видимо, он этим гордится, хотя я бы на его месте не стал...

– В конце 82-го года в германской прессе появился ряд очень резких статей о дружине и царящих в ней порядках. Даже не резких, а злых и унижительных для России – потому, что там излагалась чистая правда. И государство, и его высший руководитель получили ощутимую оплеуху. Моральный урон был огромным. Анонимный автор оказался на удивление хорошо осведомлён. Он привёл много деталей, смешных и часто постыдных; Россию словно бы публично высекли.

– И что?

– Автор тех статей – Ример.

– Зачем это ему?

– Эх, господин Благово, – горько вздохнул Лорис-Меликов. – Я вам скажу, зачем; а вы мне поверите? Вас аттестовали, как очень умного человека, почему я надеюсь-таки на понимание. Ример – враг нашей с вами страны. И проделал свои мошеннические уловки с целью нанести ей урон.

– Заговор? В такой замысловатой форме? Полноте, это для купцов из Охотного ряда. Предложите что-нибудь более правдоподобное.

– Поймите, – терпеливо стал объяснять генерал. – Это не моя выдумка, всё очень серьёзно. Ример человек ниоткуда. Никто не знает, где он служил и как достиг чина тайного советника. Когда я был министром внутренних дел, то затребовал его формуляр. Там одни белые пятна! Учился в Германии, служил в нашем посольстве в Англии, выполнял некие секретные поручения графа Нессельроде в бытность того русским министром иностранных дел. Надеюсь, вам не надо объяснять, что Нессельроде являлся австрийским агентом?

– Так Ример шпион?

– Нет, тут тоньше. Он – креатура некой силы, враждебной России.

– Германии или Англии?

– Кто знает... Он не любит ни тех, ни других. А какие есть ещё силы? Мировое еврейство? Смешно. Масоны? Эти просто клоуны... В нашу последнюю с ним встречу Ример сказал мне странную речь. До сих пор я над ней размышляю, а понять не могу. Он заявил, что все три европейские империи – Россия, Германия и Австро-Венгрия – это зло. От которого следует побыстрее избавиться. И что сделать это удобнее всего посредством большой европейской войны, натравив монархии друг на друга. Он, Ример, и его всеисильные друзья сейчас этим и занимаются.

– Готовят европейскую войну? Фантазмагория, ваше сиятельство. Его вторая фамилия, видимо, Мюнгаузен.

– ...Ещё Ример сказал, что сегодня такая война невозможна, но через двадцать лет их неотрывных усилий предпосылки будут созданы. Три империи будут уничтожены. Этот прохвост заявил буквально следующее: мы спустим их в ватер-клозет, и пошлём следом ещё и Турцию. И тогда во всей Европе установится повальное народовластие!

– Кто такой Ример, чтобы замахиваться на таких колоссов? Бред сумасшедшего. Там интересы сотен миллионов людей, там огромный запас прочности. Почему вы принимаете всё это безумие всерьёз?

– А вам не кажется безумием отказываться России от «Союза трёх императоров»? И идти в объятья республиканской Франции, ставя себя тем самым в положение врагов Германии? Наша власть уже делает то, что декларировал мне два года назад этот космополитический гадёныш. Как по нотам! Словно мы играем его пиесу!

Благово озадаченно замолчал. Действительно, странное совпадение. Если это совпадение... Сам интересуясь международными делами, он, как и Лорис, считал для России союз с Германией полезным. Кстати, и граф Ламздорф того же мнения, и не последний вроде бы в МИДе человек. И лично министр Гирс. Кто же тогда меняет нашу внешнюю политику, и соответственно какой логике мы переходим с немцами в контры? Начало им положил ещё Александр Второй в 1875 году, когда не позволил Германии развязать вторую войну против Франции (немцы называли её превентивной). Мотивы были чисто политические: не столько было жалко Францию, сколько нельзя было допускать чрезмерного усиления тевтонов. Бисмарк обиделся – и отыгрался на Берлинском конгрессе 1881 года, перечеркнув плоды русских побед на Балканах. Теперь уже затаил обиду наш государь и передал её по наследству цесаревичу, без того не жалующему немцев. Взойдя на трон, Александр Третий вспомнил все германские щелбаны и принялся потихоньку отворачиваться от Берлина в поисках новых союзников. Англия в дру-

зя традиционно не годилась, оставались галлы. Неприязнь к райху в государе подогревала императрица, датчанка по происхождению. Выполняя при этом тайное задание датского двора, весьма обиженного поражением от немцев в войне 1866 года... Ночная кукушка дневную перекукует! Ламздорф прав: между нами стоит Австро-Венгрия. Эта империя не имеет будущего, она быстро дряхлеет (также, кстати, как и турки), и скоро нам придётся делить большой балканский пирог. Через те же двадцать лет, которые пророчит Ример. Сегодня мы Германии важнее, чем австрияки: они не желают нашего союза с Францией и войны на два фронта. Между двумя императорами существуют родственные связи; Бисмарк, держащий в руках всю внешнюю политику Германии, настроен в целом пророссийски. Но если мы сейчас оттолкнём протянутую нам руку? Что будет через двадцать лет? Несчастный Гирс устал уже объяснять немцам гримасы своего бородатого императора. Когда храбрый, но безмозглый Скобелев сунулся, дурак, не в своё дело и закатил в Париже противогерманскую речь, государь вызвал его телеграммой «на ковёр». Однако вместо заслуженной головомойки «белый генерал» удостоился двухчасовой аудиенции, из которой вышел обласканный. А Катков? Столько лет кричит: «Ату немчуру! Германия – главный враг России!». Кайзер негодует, запрашивает Александра Третьего, насколько точка зрения журналиста совпадает с нашей официальной позицией – а государь демонстративно вручает Каткову Владимирский крест!

– Согласен, – сказал, наконец, Благово, – это мы с огнём играем. Побитые французики с удовольствием подставят русские головы вместо своих под германские пули. Но при чём тут какой-то паршивец Ример? Тут государь сам банкует.

– Это ему так кажется, что сам. Многое подсказывают, очень осторожно, но навязчиво. Через жену-датчанку, через сховаста Победоносцева. Меня пугает, что Ример говорит – а потом оказывается так, как он предвещал.

– Что ещё он сулил?

– Хаос в управлении страной, искусственно созданный. Проведение контрреформ, намеренно излишне жёстких, чтобы озлить общество и столкнуть его с властью. К примеру, Положение об усиленной охране, расширяющее права губернаторов и создающее условия для административного самодурства... Назначение на важнейший пост министра внутренних дел наибольшего в стране реакционера. Притеснение крестьянства. Дипломатический тупик: конфликт и с Германией, и с Англией.

Благово ошарашено посмотрел в глаза старому генералу, тот ответил долгим, понимающим и печальным взглядом.

– Теперь поняли?

– Как по писанному... Само имя графа Толстого является олицетворением реакции – он и назначен. Положение об усиленной и чрезвычайной охране от 14 августа 1881 года уже работает во зло, при наших-то тупоголовых губернаторах. А по крестьянству, говорят, обдумывается новая система управления, полукрепостная.

– Представляете, что будет через двадцать лет таких порядков?

– Ример – масон?

– Нет, что вы. Масоны – это просто ряженые; их выставляют на передний план, чтобы скрыть настоящих кукольников. Ример как раз из последних.

– Не понимаю. Кто такие настоящие кукольники?

– Люди тайного влияния есть в каждом государстве. И их, похоже, объединяет некая общая цель, недоступная нашему зрению. Я не знаю, кому служит Ример, но вижу, что он несёт зло России. Берегитесь его и наблюдайте за ним. Если, конечно, не испугаетесь. Когда я был почти всесильным, он пытался влиять и на меня. Поняв это и не разделяя проводимых им идей, я попытался удалить этого человека. И очень быстро сам оказался не у дел. Теперь ваша очередь пробовать, на своём месте и своими средствами. Мне кажется, вы любите Россию, а «повальное народовластие» не пойдёт ей на пользу. Вы сейчас мне не верите, но присмотритесь

внимательно к действиям Римера – и согласитесь со мной. Мы уже приехали. Прощайте, и будьте осторожны!

Благово вышел из кареты крайне озадаченный. Кто он такой? Подумаешь – статский советник, вице-директор департамента полиции. Мелкая, по правде сказать, сошка! Ему могут приказывать многие, а он – лишь верному Лыкову да ещё парочке делопроизводителей. Расследование убийства Макова против его воли втянуло третьеразрядного бюрократа в такие дебри, где легко и шею себе свернуть. Благово уже заочно сцепился с дядей государя, фельдмаршалом и председателем Государственного совета. Неизвестно ещё, как ему аукнется то открытие, что великий князь нанимает убийц для прикрытия тылов! Теперь вот появился «враг России» Ример, запросто разговаривающий с императором. Послезавтра Благово познакомится со вдовой Александра Второго, влезет в дипломатические тайны взаимоотношений Петербурга и Берлина. Ну как тут уберечь шею? Она всего одна, а ловушек – нескитано. И надо покамест уберечь от них хотя бы Алексея. Послать его подальше от дворцовых тайн, ловить обычных, хорошо знакомых уголовных. Эх, Лев Саввич, растудыт-тебе бом-брам-стенгу в одно место! задал ты нам работёнку...

Поднявшись в квартиру, Павел Афанасьевич накормил кота и принялся собирать сак. Василий Котофеевич Кусако-Царапкин ходил за хозяином по пятам и призывно урчал толстым брюхом. Лыков, стервец, в приступах сыновьей фамильярности называл могучее животное – Котово. Только статский советник вспомнил об этом, как явился его ученик с новостями о Рупейте. Они засели в гостиной за самоваром, и Алексей в подробностях рассказал полученные им сегодня сведения. Получалось, что концов почти не видать; если этот мошенник сменит документы – ищи ветра в поле...

Павел Афанасьевич не сказал Лыкову ни слова о своих встречах с Римером и Лорис-Меликовым, зато подробно изложил историю с великим князем. В заключении распорядился:

– Меня не будет пять дней. Займись пока Дубягой и его колбасником. Начни с номеров Артамонова. Кроме того, тебе непременно надо съездить в Москву. Эта парочка могла убить Макова лишь при одном условии: что до этого они прикончили упоминаемого в письме купца-рогожца. Иначе чем бы он их шантажировал? Выясни: были ли в Первопрестольной за последний год такие убийства? Телеграмму обер-полицмейстеру Козлову я утром послал, тебя ждут. За помощью, в случае необходимости, обращай только к Плеве. Больше никому не верь! Особенно опасайся Виноградова – чёрт знает, что у него на уме. Не принимайся бы вредить... Если тебя станет искать некий Ример – уклонись от встречи. Нашупаешь где-нибудь большую политику – остановись, дальше не лезь, жди моего возвращения. Твоя задача – только Рупейто-Дубяго! И постарайся за эти пять дней никуда не свалиться, не вывихнуть шею.

Глава 8

Начало поисков

Утром следующего дня Лыков пришёл в номера Артамонова на Кирочной. Заведение оказалось хоть и не фешьоннабельным, но вполне приличным: фикусы в деревянных кадучках по всем лестницам, чистый буфет, бритые коридорные. Хозяин, хитрован-ярославец, сразу вспомнил постояльца с заковыристой двойной фамилией.

– Как же, был такой, четыре раза о прошлом годе у нас останавливался. С ним ещё, опять, парень навроде прислуги, здоровый такой! А барин занятный...

– Чем занятен?

– Ну... вроде из благородных, офицер – по осанке видать; а когда смотрит на тебя, хочется бумажник проверить. Сразу и не скажешь, что в ём не так, а насторожишься. Как на лес глянет, так и лес вянет... Неприятный жилец; радовались мы, когда они съезжали.

– Рупейто с кем-то у вас встречался? К нему приходили?

– А это у буфетчика лучше спросить. Записки, я знаю, он получал, а насчёт встреч – я сейчас Потапа позову.

Буфетчик подтвердил, что при нём Рупейто ни с кем не встречался, зато рассказал много интересного про колбасника. Они оказались из одной волости, знакомы с парней! Фамилия Мишки была – Самотейкин, и происходил он из села Поим Сердобского уезда Саратовской губернии. Место было приметное и имело зловещую репутацию, ибо являлось уже не одно столетие настоящим разбойничьим притоном.

Лыкова давно интересовал вопрос: откуда на Руси берутся разбойничьи сёла? Почти в каждой губернии таковые имеются, начальство о них знает, но ничего не может поделать. Перед самым своим отъездом из Нижнего Новгорода Благово с Лыковым разгромили подобное преступное гнездо. В селе Вершинино Сергачского уезда больше столетия безнаказанно убивали людей. Занималось этим, конечно, меньшинство, а большинство знало, молчало, а зачастую потворствовало. Полицейские на живца, роль которого исполнил Алексей, поймали одно разбойничье семейство с поличным. Следствие открыло жуткие подробности: в нескольких дворах обнаружили целые кладбища невинных жертв, а в домах – взятые с них вещи и документы. Состоялся суд, на скамье подсудимых оказались двадцать человек. Вскрылась страшная картина круговой поруки целого преступного села, в котором убийства проезжих сделались многолетним доходным промыслом.

Таким же был и Поим. Большое и богатое селение на границе Саратовской и Тамбовской губернии: три крупорушки, шесть мельниц и маслобоек, более пятисот дворов. Две церкви! Местоположение Поима на бойком торговом тракте предопределило его разбойный характер. Как и в Вершинине, убийством проезжих купцов наследственно занималось лишь несколько семейств. У них в обычае было заматывать следы, сжигая тела своих жертв в овинах. Каждый год в канун ярмарок или по их окончании в селе по ночам сгорало 5-7 таких овинов. Сельчане уже знали, для чего это делается, и тушить пожары не прибегали... Потом недорогое строение отстраивали заново, до следующей ярмарки. Вся округа догадывалась о кровавом промысле страшного села, знала и уездная полиция, но ничего не менялось десятилетиями.

Тот факт, что Мишка Самотейкин был родом именно из Поима, говорил о многом. Но буфетчик рассказал и ещё кое-что. В Литовском замке – петербургской городской тюрьме – содержался Мишкин земляк, осуждённый за грабежи, некий Пашка-Канонир. Ранее они вместе работали на бойнях на Скотопригонном дворе, и сделались приятелями. Мишка получал от Пашки из тюрьмы весточки и пересылал туда деньги. Возможно, для Лыкова здесь открывался способ разыскать колбасника.

Это было всё, что удалось выяснить на Кирочной. Закончив с гостиницей, Алексей поехал в Военное министерство. В управлении кадрового состава его ждал неприятный сюрприз: формуляра отставного офицера Рупейто-Дубяго в архиве не обнаружилось. Разумеется, человека с такой фамилией не значилось и в городской адресной экспедиции. Благово оказался прав: таинственная парочка или уехала из столицы, или легла на дно.

Поразмыслив, Алексей отправился в сыскное. Не заходя к Виноградову, он навестил хорошо ему знакомого старшего делопроизводителя отделения коллежского асессора Шереметьевского. Услышав о Пашке-Канонире, тот молча порылся в картотеке и протянул коллеге тонкую серую папочку.

– Тут всё, что есть у нас на этого расстегая. Сколь помнится, действительно сейчас сидит; возможно, что и в Литовском. Личность вполне заурядная.

В деле оказался фотографический портрет грабителя: угрюмое туповатое лицо, шея, как у быка. Звали Канонира Павел Тимофеев Мишаркин. Крестьянин села Поим. Отслужил срочную службу в артиллерийской бригаде – отсюда и прозвище. Работал башколомом на Ското-пригонном дворе, затем в колбасном заведении Каныгина там же, на Забалканском проспекте. В 82-м попался на грабеже: обобрал торгового человека на углу Обводного и Предтеченской. Оглушённая жертва лежала в канаве и Пашка-Канонир уже убежал, когда, на его беду, в улицу свернули два казака-атаманца¹⁸. Увидев картину, лихие гвардейцы взяли налётчика в кулаки и доставили его в часть. Пашка получил три с половиной года исправительных работ, которые отбывал теперь в Литовском замке. Каких-либо упоминаний о его сообщниках в деле не имелось.

Делать нечего – Лыков отправился в Литовский замок.

На пересечении Мойки и Крюкова канала вот уже почти сто лет располагается странной формы угрюмое строение. Оно представляет собою пятиугольник неправильной конфигурации, с семью круглыми башнями. Над главным фронтоном два ангела держат крест – фигура эта отмечена в арестантских песнях. В замке квартировали ранее Кавалергардский полк и Гвардейский экипаж, но название он получил по третьему своему обитателю – Литовскому мушкетёрскому полку. В 1824 году солдаты из него были выведены, и Литовский замок перестроили под городскую тюрьму. Сейчас в ней 103 камеры, разбитые на 10 изолированных отделений: татебное, бродяжье, воровское, благородное и прочие; помещаются в них чуть более 800 человек. Лыкову надо было именно в татебное, куда сажали за тяжкие преступления.

Подойдя к воротам, Лыков снял фуражку и перекрестился на образ, вделанный в башню. Икона изображала Спасителя в темнице, закованным в кандалы, и потому почиталась обитателями замка. Под образом, приделанные к стене цепочками, стояли на полках три железные кружки и была надпись: «Для арестантов, Христа ради». Бросив в каждую по пятак, титулярный советник предъявил подворотному¹⁹ полицейский билет и вошёл внутрь.

Огромный двор тюрьмы почти весь в летнее время засаживался огородом, разбитом на отдельные палисадники. Сейчас по расчищенным от снега дорожкам кое-где прохаживались, а кое-где трудились арестанты. В самом центре двора, словно сторожевая вышка, стояла голубятня. Возле стены четверо в серых бушлатах с синими воротниками пилили дрова. (Лыков знал, что цвет этот присвоен воровскому отделению; нужное ему татебное носило чёрный воротник). Не мешкая, сыщик прошёл в угловую башню, стоящую на пересечении реки и канала – там помещалась канцелярия смотрителя – и скоро уже сидел в просторном его кабинете.

¹⁸ Атаманцы – казаки Лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка.

¹⁹ Подворотный – должность тюремной стражи, часовой при воротах.

Майор Тезавров, смотритель Литовского замка, хорошо знал Лыкова: тот частенько привозил ему важных клиентов в подследственное отделение. Крупных преступников, с поимкой которых не справлялись местные полицейские силы, поручали арестовывать специальному летучему отряду. Он состоял из чинов столичного градоначальства и Департамента полиции, примерно поровну из тех и других. Нижегородская и Ирбитская ярмарки, курорты Пятигорска в разгар сезона и Ялты перед приездом царской семьи – шерстились этим отрядом ежегодно. Лыков состоял в нём помощником начальника.

– Что, Алексей Николаич, решили нам опять чёрного народцу подбросить? – хихикнул майор, вставая при виде гостя. – Есть места, есть...

– Крепка тюрьма, а чёрт её хвалил, – в тон ему ответил Лыков. – А насчёт народца, так сейчас никого нет, а вот в апреле привезу целый вагон. Отборных! В Москву собираюсь. Там коронация готовится.

Тезавров сразу посерьёзшел.

– Когда?

– С 9-го по 18-е мая. Придётся накануне почистить Первопрестольную. Мелкий сброд разгоним, а посерьёзней людишек сюда доставим, частью к вам, частью в ДзПэЗэ на Шпалерную.

– Понял, подготовимся. Только уж, пожалуйста, не свыше пятидесяти голов, больше не вместим. А нынче за кем пожаловали?

– У вас в татебном отделении сидит Пашка Мишаркин по кличке Канонир.

– Есть такой сукин сын.

– «Наседка» в его камере имеется?

– У нас это отлажено. В каждой камере, конечно, нет, врать не буду, но во всех отделениях держим по два-три человека. А что требуется?

– У Пашки дружок есть, одного с ним села. Зовут Мишка Самотейкин. Вместе на колбасной машине работали. Вот его я и ищу. Нужны любые сведения об этом Самотейкине, а ещё хорошо бы получить записку от Канонира к Мишке, с рекомендациями. Прими, мол, подателя сей бумаги, справный малый, помоги чем можешь... Сварганите?

Майор задумался.

– Да он хоть грамотный? Чтоб записки писать.

– В формуляре сыскного отделения сказано: «читает и пишет бойко».

– Хм... У нас в татебном сидит такой Софроний Кочетков, кличка Князь Мосольский. Тощий, как мосол, потому и кличка... Давний мой осведомитель. Среди уголовных некоторая величина и пользуется известным уважением. Эх, и хитрая шельма! Ей-бо, прямо, хоть в Сенат сажай вместо Литовского замка. Софроний этого Пашку в нужное русло, пожалуй, что подведёт. Тот ведь на бойне работал?

– Точно так.

– Князь через четыре дня выходит на поруки. Скажет, что желает к ремеслу пристроиться. Попросит письмо. А?

– Подозрительно получится. На живую нитку сшито. Пашка-Канонир чай не такой дурак!

– Пашка дурак, и как раз такой, какой надо. Супротив Кочеткова он, что ребёнок; Софроний уговорит его на любое дело. Да и не только его... А вот поверит ли сельчанин? В самом факте таковых писем ничего подозрительного нет: каждый, кто выходит на свободу, несёт на себе целый ворох разных записок, посланий. Мы же кого выпускаем, не обыскиваем. Там почта уж отлажена!

Но Лыков всё ещё сомневался.

– Давайте мы так поступим, Алексей Николаевич, – предложил смотритель. – Я князя Мосольского вызову сейчас к себе и предложу решить вашу задачку. А вы посидите в соседней

комнате с открытой дверью. Пожелаете что уточнить – стукните или кашляните, я выйду. Пусть он сам скажет, что сможет, а чего не сможет; глядишь, и договоримся.

На том и порешили. Лыков засел в спальне майора, оставив дверь в кабинет приоткрытой. Через десять минут послышались шаги, а затем и сиплый голос, довольно самоуверенный:

– Срочное чество, ваше высокоблагородие? Невдругорядь ежели...

– Здорово, Софроний. Ты Пашку-Канонира знаешь?

– Близкий знакомец.

– Что за человек?

– Громила как громила. По бороде апостол, а по зубам собака. В голове, правда, реденько засеяно, но – здоров, лихоим, что медведь. Ежели захочет решётку из окна выломать – выломает, чёртушко! Колбасники все такие.

– Вот-вот. Не поминал ли Пашка в разговорах своего земляка, тоже колбасника?

– Это Мишку Самотейкина? Даже частенько! (При этих словах Лыков аж привстал со стула и начал вслушиваться с особым вниманием). Лучший его дружок. Оба из Поима Сердобского уезда; есть там такое местечко, что не приведи Господь... Пашка говорит: Мишка этот по силе намного его превосходит. И что могутнее его он человека не встречал. А по характеру души – настоящий гайменник²⁰, со всем прибором сатана! Мишка, то есть. Вот.

– Ещё чего он рассказывал? Мне этого хорошего человека найти надо. Как его искать? Баба у Мишки есть? Квартира? На чьё имя паспорт? Всё может пригодиться.

– Эдак-то надо подумать... Насчёт Пашкиной бабы скажу, что она есть, зовут Соломонидой, служит подняней где-то на Песках. Про Мишкину разговор не было, и спросить сейчас будет мне неловко: с чего это вдруг?

– Ну да, тут грубо нельзя. Ещё что вспомни.

– Хозяин есть у Самотейкина, бывший офицер. Фамилие какое-то замысловатое, из двух кусков скроено, язык сломаешь; не помню фамилие. Лихой дядя! Такие дела выворачивает, что и нашему брату впору поучиться! Вот, напримерно, у Нарвской заставы они скопца взгрели, что ссудную кассу подпольную держал. Офицер тот пришёл к скопцу будто бы вещь в заклад отдать, а как расписку писать – вынул билет сыскного агента! Понятых велел впустить. Первым дворник ихний был понятым, а вторым – Мишка. Ну, и учинили реквизицию... Скопец даже жалобу в полицию не стал писать, так напугался. Опять же, кто станет ссориться с агентом? Как зачнёт ходить через день! Откупиться – первое дело.

– Ловко! – похвалил майор. – Много взяли?

– Четырнадцать больших²¹ выгребли!

– Эх-ма! – крикнул Тезавров. – Ну вы, мазурики, даёте! Это ж годовое жалование градоначальника. Ладно, дальше вспоминай.

– А вот что ещё сейчас на ум пришло, ваше высокоблагородие. Последний раз Пашка встречался с Мишкой в Кекинских домах!

– Это которые в Гавани?

– Те самые. И у Мишки была там постоянная квартира.

– Вот это молодец, хорошо вспомнил. Так! Даю тебе урок²². Увидь нынче же Пашку и скажи ему: на поруки тебя выпускают не через четыре дня, а уже завтра поутру. Это неправда; оставшиеся дни посидишь в секретной, во флигеле. Но скажешь так! А у Пашки попросишь письмо... Точно он грамотный?

– Сам удивляюсь, зная его дыролюбие, но читает и даже пишет! На военной службе выучился.

²⁰ Гайменник – убийца (жарг.)

²¹ Большая – тысяча (жарг.)

²² Урок – задание.

– Ага. Попросишь у него письмо к Мишке. Приюти, мол, подателя сего, и пристрой к ремеслу. Так слово в слово и скажи. Имён в записке чтобы не было никаких!

Князь Мосольский долго молчал, потом глухо пробормотал:

– А как же я потом оправдаюсь?

– От чего?

– Я же не дурак, ваше высокоблагородие, понимаю, для чего такие «рапорты» пишутся. Я вам столько лет верой и правдой, а вы меня под ножи хотите подвести. Не по-божески это, ваше высокоблагородие, не по-честному.

– Да что с тобой случится? Про письмо все через день забудут.

– А не забудут! Сыскное к Мишке «демона» подошлёт с моей бумагой, заберёт его и начнёт следствие. А Мишка сразу у Канонира запросит: чего это он ему сыщика по письму подослал? У уголовных почта между тюрьмами работает исправней вашего почтамта. Моё имя-то сразу и всплывёт! Сколько я после этого проживу? Нет, не будет на то моего согласия! Не берите грех на душу, гоподин майор, я вам живой много больше пользы принесу.

Лыков стукнул при этих словах в стену. Тезавров зашёл к нему, титулярный советник шепнул на ухо смотрителю несколько фраз, тот вернулся в кабинет и сказал жёстко:

– Тебя, Кочетков, никто не спрашивает, даёшь ли ты своё согласие. Плевал я на твоё согласие! Чтоб сегодня же выдал мне нужное письмо! Иначе тебе секир-башка будет! Мишка Самотейкин в такое дерьмо вляпался, что ему, когда изловят, двадцать лет никому писать не доведётся. И в общей камере ему не сидеть, и на каторгу с партией не идти. В политику его затянул тот офицер. И светит твоему Мишке теперь одиночный номер в Петропавловской крепости, пока он там не издохнет. Дело об нём расследуется по высочайшему повелению! Чуешь, чем пахнет? Ежели я нужную писульку не представлю – быть мне смотрителем в Верхоянской тюрьме. Ну, а ежели ты не справишь, тебя, дурака, в такое место закатают, что его и на глобусе-то ещё не нарисовали. Понял, фетюн! Встал и пошёл вон! И чтоб без письма не возвращаться!

Вечером Лыков заехал на квартиру смотрителя и тот вручил ему узкую полоску серой бумаги. На ней корявым почерком без знаков препинания было написано:

«Товаришш Мишка пишет тебе твой товаришш Пашка прими етаво челавека верной челаовек со мной обок сидел чесно обогрей ево и приспособь к ремеслу».

Глава 9

Новые адреса

Обдумав как следует ситуацию, Алексей остался ею недоволен. Ну, получил он требуемую записку. Есть и наводка: Кекинские дома, в одном из которых у Мишки была когда-то квартира. И что из того? Домов этих шесть, проживают в них несколько тысяч человек, и публика всё такая, что оторви да брось... Было это не вчера. Сыщи-ка иголку в стогу сена! Главное же – сведений недостаточно. Не у того спрашивали; князь Мосольский только слухи слыхивал. Надо допросить самого Пашку-Канонира, да так, чтобы он рассказал всё до последней мелочи. Требуется вынуть громилу из Литовского замка, изолировать его на время расследования, да и самому хоть с ним познакомиться. А то спросит Самотейкин: сколько у Пашки пальцев на левой руке? А ты и не ответишь, хотя «сидел обок чесно».

В итоге утром следующего дня Лыков в синих очках и парике находился в допросной комнате канцелярии градоначальства. Открытый лист со ссылкой на высочайшее повеление, выданный ему Толстым, распахивал перед сыщиком любые двери. Поэтому ещё ночью Пашку-Канонира изъяли из камеры и безо всяких разъяснений привезли на Гороховую. Уголовные очень не любят таких внезапных загадочных перемен, пугаются их и часто слабеют духом, оказавшись в тесной одиночке. На это и рассчитывал сыщик.

Сейчас он помещался в углу на стуле. За допросным столом сидел сам заведующий секретным отделением канцелярии градоначальства коллежский советник Оконор. Обрусевший ирландец имел соответствующую наружность: рыжий, крепкий, хитрый и свирепый.

Уже в семь часов утра Пашку подняли, не дали даже воды испить и повели на допрос. Конвой, согласно приказания, обращался с ним подчёркнуто грубо, как с совсем пропащим. Втолкнули несчастного налётчика в кабинет едва ли не пинком, поставили под лампу и первым делом приказали раздеться до пояса.

– Это зачем же? – робко пытался поинтересоваться Пашка. Получил немедленно в ответ затрещину и торопливо стянул рубаху, обнажив могучий торс колбасника. Да, отчаянные казаки попались ему тогда на Предтеченской, экую гориллу повязали...

Лыков внимательно всматривался в уголовного, стараясь лучше запомнить его наружность, манеру держаться, речевые особенности. Пальцы у Пашки на руках все оказались на месте, а вот под правым лёгким обнаружился шрам, похожий на след от ножа. Правая кисть в порошок, вбившихся под кожу; возможно, обожгло в военной службе. Волнуется, но не испуган, скорее, озадачен. Есть от чего: заурядный «дергач» спокойно отсиживал положенный срок – и вдруг... Выдернули ночью из замка, куда-то привезли, пробуют теперь взять на шарапа²³. Насколько его хватит? Лыков знал из опыта, что у уголовных считается неприличным сразу ломаться на допросах. В конце концов сдаются все, но, как бы по молчаливому уговору с полицией, от последней требуется предпринять ряд усилий. Одним достаточно пары зуботычин, других приходится сечь до полусмерти – это уже глядя по характеру. Фартовому, которого допрашивают, легче капитулировать перед следствием «с боем». Вот, мол, не сразу раскололся, заставил вас, фараонов, попотеть! Каков же Пашка?

– Ну, что, Мишаркин, будешь сразу отвечать, или гонор твой сначала удовлетворить? – грозно нахмурил огненно-рыжие брови Оконор.

– Так что, ваше высокоблагородие, смотря об чём будете спрашивать, – не без апломба ответил арестант.

²³ На испуг (жарг.)

– Приятель твой Самотейкин попал в переплёт. Дело очень нехорошее, политическое. Сам государь держит его на карандаше, так что деваться нам некуда, нужно его сыскать. Не получится его не сыскать, понимаешь? Шкуру спустят и с тебя, и с меня. Мне моей шкуры жалко. Твоей – нет. Решай сам.

– Так чего решать-то?

– Говорю тебе, дураку: надо нам Мишку Самотейкина найти. И офицера его, Дубягу, тоже. Поможешь – послабление получишь; не поможешь – не взыщи. В порошок сотру и в ретирадное высыплю... Говори, где его искать? Адреса, приятели, родня, полюбовницы – всё годится. Ну?

– Так что, ваше высокоблагородие, на то, конечно, воля ваша. Чтобы над беззащитным арестантом измываться, варварство производить. А только я ничего не знаю. Полтора года, как сижу; может, его уж и в живых-то нет?

– Где встречал его в последний раз? Есть у него квартира?

– Не помню, не знаю.

– А вот сейчас взбондируют тебе спину, и по другому запоёшь! – гаркнул ирландец. – Говори, пока юшку не пустил. Ну?

– Воля ваша, господин следователь, а не знаю, что сказать.

– Так... Нашего Мину не проймёшь и в три дубины. Привести палачей! – скомандовал коллежский советник с хорошо разыгранным бешенством.

Немедленно распахнулись двери и вошли двое рослых усатых мужчин угрюмого вида, одетых в одинаковые кожаные фартуки. Молча без интереса поглядели на арестанта, перевели взоры на начальство.

– Подать ему ума в задние ворота! – приказал Оконор. Пашку тут же вывели, и вскоре из-за двери послышались глухие удары и стоны.

– Может, чайку пока, Алексей Николаич? – буднично спросил ирландец. – Я этот народ изучил; с полчаса всяко провозятся.

Лыков молча помотал головой. Крики истязуемого за стеной человека не способствовали его аппетиту.

– Не понимаю, что у них за манера такая! – раздражённо бросил Оконор. – Знает, подлая душа, что всё одно расскажет, так нет – изволит сначала помучаться! Как будто мне это нравится!

Крики и стоны делались всё громче. Лыков с тоской смотрел на медленно ползущую стрелку часов. Поганое у него бывает ремесло! Наконец, спустя томительные сорок минут за стеной стихло, и в дверь просунулась ретивая физиономия одного из палачей.

– Готов сознаться, ваше высокоблагородие, – доложил он. – Прикажете заводить?

– Заводи.

Бледный, как смерть, весь в багровых рубцах, вошёл Пашка-Канонир и стал посреди кабинета, глядя в пол.

– Давно бы так, кургузая душа! Только время моё потратил. Расскажи-ка нам об Мишке и об Рупейте всё, что знаешь. Всё!

И Мишаркин принялся рассказывать.

У Самотейкина действительно оказалась квартира в Кекинских домах. В третьем из них, если считать от Галерной гавани, проживала некая Нина, служившая прежде в кухарках у богатого скопца. Того самого, у Нарвской заставы, которого Рупейто-Дубяго ограбил под видом сыскного агента. Ещё одно испытанное прибежище Мишка имел на Выборгской стороне. Севернее Куликова поля, за римско-католическим кладбищем, по Старо-Муринской дороге располагается заброшенное погребение жертв холеры 1831 года. Чтобы землю там не вздумали пускать под огороды, власти держали на кладбище сторожа. Сторож этот, по про-

звизу Пахом-кривой, приходился Мишке родственником и охотно укрывал его за малую мзду в своей избушке. Место было нехорошее, потому тихое и безлюдное.

Наконец, третья квартира, где бы мог укрыться Самотейкин, находилась в новой Артиллерийской лаборатории, что за Волковой деревней. Там Мишка иногда останавливался у вдовы унтер-офицера, погибшего при испытаниях нового оружейного замка. Женщине за заслуги покойного мужа оставили, кроме пенсии, казённые полдома. Вдова была значительно старше колбасника, потому он навещался к ней не часто.

Вообще же, по словам Мишаркина, скорее всего его приятеля нет сейчас в городе. Три недели назад он получил от Самотейкина письмо с воли, с приложением старого долга в одиннадцать рублей. В письме колбасник сообщал, что они с хозяином уезжают надолго в Москву. Мишка намекал, что им пришлось поменять паспорта и «лечь на дно», потому, как «скоро станет жарко». В концовке он написал: «Сам ты меня поэтому не найдёшь; ежели нужда, ищи через Пахома».

Рассказал Пашка и об офицере. По его словам, Рупейто-Дубяго познакомился с Мишкой два года назад, на печально знаменитых танцульках, бывших Марцинкевича, что у Семёновского моста. Танц-классы эти давно уже превратились в место, где соединяются авантюристы, бездельники полусвета и откровенно уголовный элемент. Всех их объединяет тяга к недорогой любви «марцинковых бабочек». Рупейто имел внушительную наружность (по словам Пашки, «будто исправник»), звучные имя-отчество (Арнольд Августович), и умение влиять на людей определённого склада. Самотейкину он глянулся сразу, и колбасник охотно поступил под его команду. Рупейто-Дубяго действительно был в прошлом кирасирским ротмистром. Перейдя в драгуны, прослужил в них недолго, вышел из-за чего-то в отставку и поступил заштатным сотрудником в Третье отделение. Там снюхался с кем-то из начальства и они «славно пилили» секретные фонды. Служа в Третьем отделении, Рупейто заимел знакомства и в столичном градоначальстве, и в сыскальной полиции, и в корпусе жандармов. Используя эти знакомства, он прикидывался то сыщиком, то жандармским офицером и обчистил под этими личинами не одного раззяву. Особенно любил реквизиовать подпольных ростовщиков: риску мало, а денег много. Насчёт приключений славной парочки в Москве Пашка-Канонир ничего сказать не смог, но добавил кое-что к характеристике мазуриков. Рупейто-Дубяго, по его словам, был хитёр и коварен, а при необходимости легко мог и «списать» человека. Мишка же Самотейкин сделался послушной дубинкой в его руках. Он выполнял беспрекословно все приказания хозяина, включая и самые зловещие. По крайней мере одного ростовщика из евреев он, по команде Рупейто, точно придушил; это случилось шесть месяцев назад у Московской заставы. Тело несчастного ростовщика утопили в Лиговском канале. Когда оно всплыло и открылось следствие, хозяин навёл сыскальное отделение на легкового извозчика с Разъезжей, простоватого и сильно пьющего. И подсунул тому под топчан парочку закладов из числа взятых у покойного... Так что, нарвскому скопцу, как выяснилось, ещё повезло.

Закончив рассказ, Мишаркин по-военному вытянул руки по швам и принялся есть глазами начальство. Выдал всё, что знал о товарище – и почувствовал явное облегчение, и даже готов ещё чем услужить. Что за народ эти уголовные? Тьфу!

Лыков поймал вопросительный взгляд Оконора, молча кивнул и арестанта увел.

– Спасибо, Вильям Петрович, много полезного услышал, – честно признался Алексей начальнику отделения, когда они остались одни. – Понятно теперь, где искать. Прошу только спрятать арестанта до конца следствия в таком месте, где общение его с уголовными станет положительно невозможным. До особого распоряжения.

– Не вопрос! Мы так уже делали. Суну его в Военную тюрьму на Компанейской, сам чёрт не сыщет. Дайте мне только письмо от Плеве на имя окружного военного прокурора.

– Сегодня вечером будет у вас. А я, пожалуй, удалюсь. Надо подготовиться.

– Пойдёте в Кекинские дома?

– Пойду. Это след. Спасибо ещё раз!

Вернувшись на службу, Лыков начал готовиться к рискованной экспедиции. Он нашёл свой паспорт, где был записан под собственным именем, но местом прописки значился польский город Петроков. Год назад ему пришлось отправиться, в роли подследственного, в Псковскую тюрьму. По агентурным сведениям, в ней изготовлялись фальшивые банкноты (!). Разумеется, при участии администрации тюрьмы, что делало официальное расследование невозможным. Лыкова внедрили в «цинтовку» с его подлинной биографией. Он там и был сам собой: дворянин «по отцовскому ордену», герой турецкой войны, крепкий малый и притом не дурак. Кстати попался бывший сослуживец по 161-му Александропольскому полку, а ныне известный «скокарь»²⁴ Иов Господчиков, и удостоверил лыковскую личность. Набив сходу морды трём громилам, державшим в подчинении всю тюрьму, новенький «попал в масть» и был даже избран майданщиком. Через месяц Алексея из «цинтовки» забрали, ещё через месяц без видимых причин поменяли администрацию и перевели в другое узилище двух евреев-гравёров. Так в Псковской тюрьме прекратили фабриковать банковские билеты, а Департамент полиции получил «демона» – легендированного агента, способного внедриться в преступную среду.

²⁴ Взломщик (жарг.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.